

Муниципальное учреждение Торопецкого района
«Торопецкая центральная библиотека»

***И помнить страшно,
и забыть нельзя ...***

Народная летопись

Издание для слабовидящих

Муниципальное учреждение Торопецкого района
«Торопецкая центральная библиотека»

**И помнить страшно,
и забыть нельзя...**

Народная летопись
выпуск 9

Торопец
2021

От составителя

Девятый сборник «И помнить страшно и забыть нельзя» из серии «Народная летопись» издан в Год памяти и славы и посвящён 75-летию Великой Победы. В него вошли воспоминания торопчан о Великой Отечественной войне, собранные краеведом Евгением Васильевичем Веселовым в 80-е годы прошлого столетия. Некоторые из них тогда же были опубликованы в районной газете.

Воспоминания супругов Романовых из д. Подгороднее в 2013 году записали учащиеся средней школы № 2 Никита Михайлов и Дмитрий Мурадов (кл. руководитель С.Ю. Романова).

Собранные в разные годы учащимися и педагогами Плоскошской средней школы свидетельства тех, чье детство было украдено войной, и на чьи хрупкие плечи легли все тяжести военного лихолетья также представлены в этом сборнике.

Вошёл в сборник рассказ о жизни уроженца торопецкой земли, великолучанина Н.И. Иванова, а также жителей Торопца и Кудрявцевского сельского поселения. Дополняют книгу фрагменты писем Г.В. Милохина своему сыну на фронт. Он был свидетелем тех ужасов, которые творили оккупанты на торопецкой земле и в своих письмах рассказал об увиденном и пережитом.

Читая воспоминания торопчан, понимаешь, каким тяжелым испытанием для нашего народа были годы войны. Войны, из которой наша страна вышла победителем. Несмотря на все тяготы, которые выпали на их долю, эти люди выжили.

И во многом стали для нас примером. Примером мужества, стойкости и силы духа.

Логинов Иван Логинович

Воспоминания о военных годах

8 мая в утренние часы противолодочный корабль был в море, когда взволнованный радист вдруг выскочил на верхнюю палубу и доложил:

- Товарищ командир, кончилась война!

И хотя Победа была predeterminedена всем ходом событий, она переполняла души людей; событие это было настолько необыкновенным, что моряки стали обниматься, поздравлять друг друга, кричать «ура», попросили разрешение дать салют. Началась стрельба из пушек, пулемётов, винтовок, пистолетов и ракетниц. В голове проносились годы войны, суровые и тяжёлые для всей нашей страны, для каждого советского человека.

1. На седой Балтике

Мои товарищи и я пришли в Высшее военно-морское училище в 1940 г. из Химико-технологического института им. Ленсовета. Среди них были торопчане Вася Назимов и Коля Иванов. Нас зачислили на второй курс. Так началась наша военно-морская жизнь. Вот уже пролетел год, сданы экзамены, и мы на учебном корабле идём по Финскому заливу в западном направлении. Это было 21 июня у Моонзундского архипелага, когда наш корабль неожиданно изменил курс на противоположное направление и дал самый полный ход. Вечером мы уже были на Транзундском рейде. Здесь мы стали на якорь. На следующий день, в обед, мы услышали передаваемое по радио сообщение Советского правительства о начале Великой Отечественной войны.

По решению командования, мы были направлены в Таллин, где получили назначения. Меня назначили комендантом транспорта «Алтай». В составе экипажа были почти все эстонцы, очень хороший, сплочённый коллектив. Но капитан оказался негодяем. Недавний судовладелец, он был настроен против Советской власти и делал попытку бежать за границу, но ему сделать это не удалось. Пришлось просить о назначении нового капитана, а до его прибытия совмещать должность коменданта и капитана транспорта.

Транспорт побывал уже во многих местах. В течение месяца он выполнил несколько рейсов, доставляя боеприпасы, продовольствие, снаряжение на полуостров Ханко, где уже шли бои, и на остров Моонзундского архипелага. Ни один из походов не обошёлся без налётов вражеской авиации или обстрела катеров, но моей команде пулемётчиков удавалось отбивать атаки противника. Бомбы, сбрасываемые с самолётов, не достигали своей

цели, они падали по борту или в стороне, а одиночные катера не решались подходить близко.

Но не всегда обходилось благополучно, особенно, когда противник чувствовал себя уверенно, обладая преимуществом.

Это случилось с транспортом, где командиром был мой товарищ Сергей Жила. При подходе к Ханко его маленький транспорт был обнаружен вражеским сторожевыми катерами и атакован. Началась стрельба. Единственный пулемёт транспорта удерживал катера противника на расстоянии. Они вели огонь прямой наводкой по кораблю, тот, казалось, давно уже должен затонуть, но не тонул, а пулемёт с него всё стрелял и стрелял. Противник был ошеломлён безрезультатностью своей стрельбы. Катера противника стали бомбить транспорт Сергея Жилы, проносясь на большой скорости рядом с транспортом. Корпус корабля разваливался, но палуба его удерживалась мукой, которой судно было нагружено, и пулемёт продолжал стрелять. В этом бою курсант-комсомолец Сергей Жила погиб смертью храбрых.

Мой транспорт продолжал выполнять поставленные задачи, а одиночные налёты противника сменились на групповые. Атаки стали ожесточённые.

8 августа транспорт, следуя с о. Эзель, вошёл в пролив Воси-Курк. Здесь транспорт был атакован двумя самолётами Ю-88. Открылась стрельба с обеих сторон. С самолётов противника полетели бомбы. На одном из пулемётов расчет погиб. К пулемёту пришлось стать самому. Транспорт еле держался на воде, а самолёты продолжали бомбить. В транспорт попадает вторая бомба, а стрельба по самолётам становится всё интенсивнее, прикрывая огнём эвакуируемый экипаж. Шлюпки были разбиты взрывом бомб. Все, оставшиеся в живых, в том числе и раненые, добирались до берега вплавь.

Мои пулемётчики в этом бою показали себя стойкими, отважными моряками, до конца выполнявшими свой долг перед Родиной. Мужественно вела себя вся команда транспорта.

2. Прорыв из Таллина в Кронштадт

По прибытии в Таллин меня назначили помощником коменданта Купеческой гавани Таллинского порта. Обстановка на фронтах была тяжёлой. Противник вышел в район бухты Кунда, к побережью Финского залива. Теперь Таллин мог держать связь и получать подкрепления только воздушным и морским путём. Гавань работала с каждым днём всё напряжённей. 28 августа был получен приказ эвакуировать Таллин. Кораблям и частям предстояло сделать прорыв в Кронштадт, каких не знала история. На пути следования противник поставил большое количество мин, Финский залив простреливался с южного и северного берегов, на позиции были расставлены подводные лодки и торпедные катера, авиация противника была приведена в немедленную боевую готовность.

Бои уже идут на подступах к городу. В гавань прибывает техника, люди, раненые. Противник обстреливает гавань. В гуле канонады, разрыва бомб и снарядов идёт погрузка техники, людей на транспорты. Всюду слышатся распоряжения комендантов транспортов, что и как грузить, капитаны руководят погрузкой, помощники капитанов размещают людей и раненых. На пристанях мелькает фигура коменданта гавани. Он даёт указания на уничтожение техники, по отходу и швартовке транспортов.

- Вот толовые шашки, уничтожайте эти машины. На переход назначаетесь комендантом транспорта, - говорит он мне.

Он ещё хотел что-то сказать, но поблизости взрывается снаряд, и он замертво падает...

Я прибыл на свой транспорт, и мы вышли на рейд. Таллин был окутан дымом, в городе было много пожаров. Гул взрывов и канонады то нарастал, то стихал. Уже приближался вечер, когда мы покинули рейд и в составе конвоя взяли курс на Кронштадт.

Авиация противника ведёт разведку и бомбит одиночные корабли. Наблюдатели напряжённо всматриваются в набегающие волны, чтобы вовремя заметить подводную лодку или мину. То и дело следуют на мостик доклады:

- Справа по борту мина!

- Мина по носу!

Вдруг корпус транспорта сотрясается от взрыва страшной силы. Я не успеваю сообразить, что случилось, как оказался в воде. Постепенно прихожу в себя. Чем-то повредил левую руку, идёт кровь, состояние оглушённое. По всему видно, почти все погибли, осталось только несколько человек. Нас забирает шлюпка на борт и доставляет на другой транспорт. Там отогреваемся и высушиваемся в котельной. После пережитого не хочется говорить. Сосед мне перевязывает руку и тоже молчит.

Так мы провели ночь. С рассветом выбрались на верхнюю палубу, я занял место у пулемёта запасным номером. Лучше, когда человек при деле, сознаёшь, что ты полезен. Начались налёты немецкой авиации на транспорты конвоя. То справа, то слева самолёты срываются в пике, сбрасывают бомбы и опять взмывают вверх. Мы слышим пронзительный свист бомб, взрывы следуют один за другим. Транспорт непрерывно меняет курс. Стрельба ведётся со всех орудий и пулемётов кораблей и транспортов. Некоторые умудряются стрелять из пистолетов. Я тоже стреляю из пулемёта. Время от времени раздаются крики восторга – это самолёты противника,

подбитые, падают в воду. Кто их подбил, установить трудно – так много действующих огневых точек.

Мы уже вышли на Восточный Гогландский рейд. Налёты следуют друг за другом. Над нами новая волна пикирующих бомбардировщиков. Впечатление такое, что самолёт пикирует прямо на меня. Я его вижу в перекрестии кольцевого прицела и стреляю. Но взрывы оглушают меня, что-то трещит, разрушается; чувствую, что меня тянет потоком воды. Большими усилиями мне удаётся под водой выйти из этого потока, которым заполняется тонущий корабль. Вокруг много плавающих людей. Самолёты противника кружат над нами и ведут расстрел из пулемётов, иногда сбрасывают одиночные бомбы. Кругом крики о помощи, а спасать некому. Стало холодно, но мысли работают. На память приходят Торопец, свой дом, школа, друзья. Однако чувствуется большая усталость, беспокоит рука. Ноги тянут книзу, появляется безразличие. Неужели конец?! Нет, не может этого быть. Жить, жить и ещё раз жить! Жажда жизни заставляет бороться, и это спасает меня. Уже прошло три часа плавания, начало темнеть. Море свежеет, и волны становятся больше. Вдруг в воде послышался посторонний шум. Поднимаю голову и... о, радость! Идёт тральщик. Собрав последние силы, я плыву к нему встречным курсом, стараясь, чтобы меня заметили. Мои старания не прошли даром. Тральщик подходит ко мне и стопорит машины. Мне подают бросательный конец, и я снова спасён.

Утром в Кронштадте встретился с Назимовым Василием, Ивановым Николаем, которые участвовали в этом переходе в качестве комендантов транспортов и пережили то же, что и я. Мы расцеловались и бесконечно были рады этой встрече.

Несмотря на тяжёлые условия выполнения задания по прорыву флота в Ленинград, задача была выполнена: войска, техника и флот переброшены в Ленинград.

3. Блокадный Ленинград

Мы попадаем в Ленинград. Наше училище было уже эвакуировано в Астрахань. Нас зачисляют временно в пограничное училище. Одновременно несём боевую службу по вылавливанию ракетчиков, несём караульную и патрульную службу, оказываем помощь предприятиям блокированного Ленинграда по доставке топлива со складов торгового порта. Трудности в осаждённом городе возрастали с каждым днём. Не стало электричества, в помещениях от взрывов бомб повылетали стёкла. Заниматься в таких условиях было трудно. Всё хуже становилось с топливом, питанием. Командование флота принимает решение эвакуировать нас из осадного Ленинграда. В декабре месяце лёд сковал Ладожское озеро. Мы пешком направились в дальний путь по «дороге жизни». Её постоянно обстреливали и бомбили со стороны противника, но она действовала и вселяла надежду.

Измождённые, голодные, мы едва несли себя. Вскоре, истратив свои последние силы, люди стали валиться с ног. К обеду покинули силы и меня. Идти мешал встречный ветер и метель. Спас меня от явной гибели кусочек сахара, который оказался у меня в кармане. С тех пор в походах я с сахаром никогда не расстаюсь.

Противоположного берега Ладожского озера мы достигли вечером отдельными группами. Наша группа была особая, группа торопчан: Назимов, Иванов и я. Пройдя расстояние порядка 500 км, мы достигли Подборовье, где сели на поезд и поехали в Астрахань в своё училище.

4. На Чёрном море

По окончании 3-го курса училища в мае месяце нас направили на корабли Черноморского флота: на крейсера, эсминцы, подводные лодки. Меня направили дублёром зенитного дивизиона крейсера «Красный Крым».

Шли упорные бои под Севастополем. Крейсер ходил в Севастополь, перебрасывая туда оружие, боеприпасы, войска и продовольствие, а оттуда вывозил раненых. Крейсер неоднократно подвергался налётам вражеской авиации. Каждый поход требовал от экипажа высокого мужества, воинского мастерства. Управляя огнём или неся службу помощника вахтенного офицера, я видел, как героически действовал личный состав зенитного дивизиона всего корабля, его уверенность и находчивость.

Неоднократные налёты самолётов противника на крейсер успехов не имели. Каждый раз крейсер успешно отбивал атаки вражеской авиации.

Наряду с крейсером эти же задачи выполняли эсминцы и подводные лодки. Они тоже подвергались налётам. Особенно ожесточёнными были налёты на лидер «Ташкент». 28 июня 1942 г., приняв на борт более 2000 раненых защитников Севастополя, «Ташкент» следовал рейсом на Новороссийск. Налёты на лидер следовали один за другим. Корабль уклонялся и отбивал атаки. Но всё же он получил три пробоины от близких разрывов бомб. Из строя вышли рулевое управление и левая машина. Вода поступала в кубрики корабля. В этих условиях вместе с экипажем корабля отважно действовали мои товарищи-курсанты: П.С. Севидов и Т.П. Яковлев. Они заделывали пробоины, откачивали воду. В этом походе Севидов погиб, Яковлев тяжело ранен. Впоследствии он умер.

Подводные лодки, прибывшие в Севастополь, на дневное время ложились на грунт, а в ночное – принимали раненых

и уходили. Подводная лодка М-32 22 июня доставила в Севастополь бензин и боеприпасы. Выгрузив их, ПЛ легла на грунт. В результате дурманящего действия паров бензина, к концу дня потерял сознание весь экипаж, кроме гл. ст. Пустовойтенко Н.К. и курсанта Борисова С.Л. Они обеспечили всплытие ПЛ и спасли жизнь экипажу и пассажирам, находившимся на борту.

5. Для победы на Волге и на Кавказе

В предгорьях Кавказа и под Сталинградом сложилась тяжёлая обстановка. Река Волга была очень важной артерией для снабжения войск топливом, боеприпасами, нефтью, продовольствием. Противник, зная это, минировал Волгу. Возникла задача по тралению мин. Нужны были командиры тральщиков. Целая группа курсантов, перешедших на 4-й курс, в том числе и я, добровольцами пошли тралить р. Волгу, очищать её от мин.

Это случилось 8 августа 1942 г. Нас выпустили досрочно, присвоили звание «лейтенант» и назначили командирами противоминных кораблей на р. Волгу. Мы тралили Волгу и уничтожали неконтактные донные мины, чтобы обеспечить снабжение наших воинских частей как под Сталинградом, так и в предгорьях Кавказа.

Траление проходило в условиях частых налётов немецкой авиации. Самолёты противника обстреливали, бомбили тральщики, сбрасывая мины. Но мы продолжали тралить. Личный состав проявлял исключительное мастерство и мужество. Обычно знаешь, с кем имеешь дело и с каким противником. Он у тебя на виду. При тралении мин неизвестно ни их устройство, ни момент встречи с ними. Поэтому личный состав находится всё время в напряжении, наблюдая за показаниями приборов и изменениями физического поля. Уклонение от самолётов противника во

время атак приводило к нарушению режима траления, а это не всегда заканчивалось благополучно.

Мой товарищ, Борисов С.Л., командир тральщика, следовал впереди моего тральщика. Во время атаки вражеского самолёта он уклонился от курса и подорвался на mine. Почти весь личный состав тральщика погиб, кроме двух матросов, которые очень сильно были контужены ударной волной. Командир тральщика лейтенант Борисов С.Л. вместе со своим личным составом похоронен в с. Замьяны на берегу р. Волги.

Наступила зима. Волгу сковал лёд. Меня направили в командировку на Астраханский рейд для обеспечения безопасности работы рыбзаводов от воздушного противника. В качестве противовоздушных кораблей использовались гражданские суда, вооружённые пушками и пулемётами. Личным составом этих кораблей были бывшие гражданские экипажи этих судов. Зачастую это были люди в возрасте. Они выполняли свой долг перед Родиной с высоким чувством ответственности и со знанием дела. Мне пришлось выходить в море на одном из таких кораблей. Палуба обледенела, ветер был северный. И вдруг корабль застопорил машины-рыболовецкую сеть намотало на винт. Корабль вышел из строя, в то же время ожидался налёт вражеской авиации. Стали решать, что делать. Они решили вызвать буксир. Жаль мне было пожилых людей, я предложил свои услуги - размотать сети с винта руками. Сняв верхнюю одежду и оставшись в нижнем белье, прыгнул в ледяную воду, нырнул и стал разматывать сеть. Руки окоченели, пальцы не слушались, и, казалось, безрезультатность очевидна, но на деле, нырнув ещё пару раз, мне удалось добиться успеха. Возвратился я на палубу совершенно замерзший. Товарищи из экипажа меня согрели, напоили чаем и были довольны, что всё так благополучно завершилось.

Вскоре налетела немецко-фашистская авиация, корабль отражал атаки и уклонялся от бомб. Атаки были отбиты успешно, а задача по обеспечению безопасности работ рыбных заводов была полностью выполнена.

Весной 1943 г. снова возвратился тралить Волгу.

К моменту, когда мы очистили Волгу от мин, Советская Армия громила немецко-фашистские войска по всему фронту далеко на западе. Вместе со мной делили горе и радость мои друзья-земляки и соученики по Торопецкой средней школе № 1 Назимов Василий и Иванов Николай.

Назимов Василий недавно демобилизовался в звании капитана 1 ранга и работает сейчас в Москве.

Иванов Николай после освобождения восточного побережья Азовского моря был направлен на ст. Приморско-Ахтарскую. Там он погиб в апреле 1943 г. в одном из воздушных налётов вражеской авиации.

По окончании Великой Отечественной войны после учёбы в университете, в Московской инженерной академии и адьюктуре я защитил кандидатскую диссертацию и перешёл на преподавательскую работу в систему Высших учебных заведений.

Лаврентьев Василий Кузьмич

Родился 23 февраля 1923 года в городе Торопце. Русский. Член КПСС. Образование высшее. С 1941 года по 31 октября 1945 служил в армии. После демобилизации работал преподавателем в школе.

В жизни моей и школьных товарищей всё было светло, радостно. Каждый из нас ясно видел свою будущую трудовую дорогу. И

вдруг всё оборвалось, смешалось, закружилось в страшном военном вихре.

Был полдень 22 июня 1941 года. Я шёл по Торопцу, по главной улице – Советской. Остановился около узла связи. Смотрю – собрался народ, люди прислушиваются. А из репродуктора доносятся слова заявления Советского правительства.

- Война? – шёпотом спросил у стоявшего рядом мужчины.

- Да, - так же тихо ответил он.

Фашистская Германия без объявления войны вероломно напала на священные рубежи нашей великой социалистической Родины...

Весь тот запомнившийся навсегда день, весь вечер и всю ночь никто не знал покоя. Проходили митинги, резолюции призывали ответить на удар фашистов двойным и тройным ударом. Мы, вчерашние выпускники, сразу поняли, какая грозная опасность нависла над любимой Родиной. И не только поняли, но и ринулись ей навстречу.

9 июля 1941 года я ушёл в армию, покинул Торопец. Боевые солдатские будни начались на Ленинградском фронте. Здесь мы, бойцы, рыли окопы, противотанковые рвы, строили доты. Сколько за годы войны довелось поколесить по фронтовым дорогам войны! Но особенно часто вспоминаю осень сорок первого. Урицк, Тихвин... Трудное, тяжёлое время. Враг приближался к Ленинграду.

И как только возникла реальная угроза для города, нас направили на фронт. Я был зачислен в 6 особую бригаду морской пехоты. Моряки участвовали в ожесточённых боях под Урицком, Тихвином, Волховстроем.

Не забыть Ладогу – дорогу жизни. Начало декабря. Неокрепший лёд предательски трещит и прогибается под тяжестью машин. Но несмотря ни на что, в блокадный Ленинград доставлялись боеприпасы, продовольствие.

Наши воины сражались героически. Вспоминается один ночной бой. Командиром взвода, в составе которого я находился, был Пётр Киселёв, земляк, родом из Калистово Калининской области. Молодой ещё, совсем парнишка. А какая сила духа обнаружилась у него в трудную минуту! Мы ворвались в траншею противника и выбили его. Однако фашисты не смирились с потерей выгодной позиции. Вскоре они пошли в контратаку. Целая рота! Нас же осталось 16 человек. Младший лейтенант Киселёв умело организовал оборону. Враг яростно наседал. Командир получил ранение, но продолжал руководить боем. Окровавленный, кричал нам: «Держитесь, товарищи, не отдадим фрицам отвоёванное!». И мы держались до последнего, беря пример с командира. Когда подошло подкрепление, Киселёва опять ранило. Он умер у нас на руках, до конца выполнив свой долг.

В этом же бою был ранен и я. После выздоровления оказался на Харьковщине. Получили приказ занять станцию Лозовая. Гитлеровцы упорно сопротивлялись. Но мы взяли станцию штурмом.

Запомнился мне и новый 1943 год. Стояла прекрасная звёздная ночь. Нашему подразделению была дана задача овладеть огневым рубежом противника. Рота готовилась к атаке, мы лежали, глубоко зарывшись в снег. Ждали сигнала. Вместе с солдатами в цепи находился и ротный - старший лейтенант Харченко из города Очаково Николаевской области. Он переползал от одного бойца к другому, подбадривал, вселял уверенность в успехе. Незадолго перед тем в роту прибыла целая группа молодых бойцов. Ротный особенно беспокоился о пополнении, старался вдохновлять солдат перед боем.

Наконец взвилась ракета. В едином порыве поднялась цепь и двинулась вперёд. Ноги вязли в глубоком снегу, идти было трудно. Но мы спешили туда, где засел враг. Фашисты

открыли сильный огонь, кругом рвались мины, пулемётные очереди вспарывали снег.

У меня перед глазами всё время был белый полушубок ротного. Казалось, он не обращал внимание на стрельбу. Осколок вражеской мины впился ему в плечо, но увлечённый азартом боя Харченко не почувствовал сразу ранения.

Фашисты с каждой минутой усиливали сопротивление, а затем на фланге бросились в контратаку. Командир роты направил туда автоматчиков, и они смяли врага. Тут второй осколок ранил Харченко в голову, однако он продолжал руководить боем. Наспех перевязав рану, он снова добрался до передних рядов, и здесь вражеская мина разорвалась буквально возле него. Харченко рухнул в снег. Когда мы подбежали к нему, он открыл помутневшие глаза и тихо сказал: «Не останавливайтесь, вперёд, только вперёд...»

Огневой рубеж противника был снят. После боя мы похоронили своего командира. В этом бою под Кантемировкой был ранен и я. Война крушила молодые судьбы как крушило всё вокруг ...

В составе 10-й воздушной десантной бригады я воевал в Молдавии. Кровопролитные бои разгорелись под городом Бендеры. Как сражались? Скажу только одно: за участие в боях на Днестре был награждён орденом Славы 3-й степени. Причём эту высокую солдатскую награду я получил уже после войны, в 1954 году.

Первый Белорусский фронт. Победа уже совсем близка.

Отделение старшего сержанта Норакия Отария Мухрановича, в котором был и я, расположилось в наспех отрытых окопах на окраине немецкого хутора, недалеко от Берлина. Бойцы внимательно наблюдали за передним краем противника. Их разделяло не более 300 метров - небольшой овраг, по которому протекал ручей, и полосы кочковатого луга.

Тёплый майский день подходил к концу. В стане противника - тишина. Никакого движения не было заметно, не слышно и шума машин. Лишь изредка тишину прерывали пулемётные очереди. Вдруг до Норакия донёсся из соседнего окопа удивлённый возглас солдата Климцова:

- Товарищ командир, гляньте! Фрицы белый флаг выкинули.

Старший сержант посмотрел вперёд. Действительно, прямо против их позиций в сгущающихся сумерках увидел на высоком месте белый флаг, выставленный над передним краем противника. Глянул вправо – и там белые полотнища, влево - тоже. На шестах, на деревьях, а то и просто на ветках кустов развевались белые флаги, куски простыней, полоски марли.

- Сдаются, закричал Климцов. - Ура!

Он хотел выскочить из окопа, но Норакия, сам взволнованный не меньше его и других солдат, приказал:

- Спокойно, всем оставаться на своих местах. Сейчас доложу командиру роты.

Он позвонил по телефону и доложил ротному:

- По всему переднему краю противник вывесил белые флаги!

Командир роты ответил, что на соседних участках тоже.

Поздно ночью по радио передали сообщение о подписании в Берлине акта о безоговорочной капитуляции Германии. Эта весть с быстротой молнии облетела солдат и офицеров на всех участках фронта. Она достигла огневых позиций артиллеристов, пришла в окоп пулемётчика, стрелка и наполнила сердце каждого такой радостью и гордостью, каких до того никогда никто не испытывал.

Наконец-то! Совершилось то, чего ждали долгих четыре года, к чему стремились, преодолевая невиданные трудности и страдания.

Фашистская Германия полностью разгромлена.

И что тут началось! Грохот тысяч орудий, треск пулемётов и автоматов, пистолетные выстрелы – всё слилось в единый салют в честь Великой Победы. Разноцветные ракеты полосовали ночную тьму.

В ту памятную ночь с 8 на 9 мая 1945 года никто не сомкнул глаз – ни на переднем крае, ни во вторых эшелонах полков, дивизий и армий.

Помню, в воскресенье в нашем подразделении состоялся праздник, посвящённый Победе над фашистскими захватчиками. На широком поле, превращённом в плац, выстроились полки и отдельные подразделения. На украшенной кумачом и зеленью трибуне – командование дивизии, командиры и политработники из частей, ветераны.

Торжественный митинг открыл командир дивизии полковник Дорофеев. Начальник политотдела полковник Курочкин выступил с докладом о боевых делах и людях соединения.

Мы вслушивались в слова доклада, и перед нами проходил весь трудный боевой путь, проделанный за четыре военных года от Ленинграда до Берлина. Здесь, в Берлине, мне был вручён орден Отечественной войны 1 степени.

Вскоре настал день, когда многие фронтовики старших возрастов на основе принятого Верховным Советом СССР законом о демобилизации увольнялись из рядов Вооружённых сил и уезжали домой, на предприятия, в колхозы, учебные заведения. Торжественными и в то же время грустными были эти проводы. Приходилось расставаться с боевыми друзьями, с которыми вместе шли по фронтовым дорогам, ели из одного котелка и укрывались одной шинелью, делили тяготы походно-боевой жизни, вместе громили врага и завоевали победу.

И вот прощальный день. У эшелона выстроились демобилизованные воины. Они смотрят на своего комдива,

на развевающиеся рядом боевые знамёна. Окинув их взглядом, полковник Дорофеев сказал:

- Сейчас вы уезжаете в свои родные края. Как командир дивизии, водивший вас в бои под эти прославленным знаменем, наказываю вам: будьте и впредь достойными сынами нашей великой Советской Родины, по-фронтовому, так же самоотверженно трудитесь в народном хозяйстве. Высоко несите звание воина-победителя, показывайте пример в труде и быту, в повседневной общественной и личной жизни.

Заключительные слова комдива: «Прощайте, боевые друзья! Счастливого пути! Желаю вам доброй встречи с родными и близкими, плодотворного труда на благо любимой Родины!» - потонули в бурных рукоплесканиях и криках «Ура!»

Прозвучала команда: «По вагонам», раздался гудок паровоза, лязгнули буфера, и эшелон медленно тронулся. Грянул оркестр. Поезд стал постепенно набирать скорость, и вот уже последний вагон скрылся за разрушенными станционными постройками, а затем мелькнул между деревьями, обступившими путь, и только лёгкий паровозный дымок остался таять над лесом...

Провожавшие солдаты и офицеры расходились по своим подразделениям. Им предстояло продолжать службу в мирных условиях, решать новые сложные задачи и приумножать славу воинов-победителей.

Никитин Борис Борисович

Солдатскую шинель я одел в апреле 1941 года. А через два месяца началась Великая Отечественная. Это была священная война. Все – от мала до велика – грудью встали на защиту Родины.

Первые месяцы войны. Болью в сердце отдаются сообщения о захвате гитлеровцами крупных городов, железнодорожных узлов. Враг насеждает неистово, но сдаваться ему без боя никто не собирался.

Я сполна познал горечь отступления. Видел вопрошающие взгляды матерей: «Куда же вы, сынки?»

В памяти зримо встаёт тот день. Над степью палящее солнце. Лица артиллеристов в пыли, гимнастёрки в белых разводах от солёного пота. Замерли на позициях «сорокопятки». Зловещая тишина гнетёт. И вдруг резкое: «Танки!» Несколько часов длится бой. Горят подбитые фашистские машины. Но и наши заметно поределели. А вскоре и боеприпасы кончились. Враг прорвался. Наша часть оказалась в окружении.

Почти четыре месяца (и группами, и в одиночку) прорывались мы через гитлеровское кольцо. Удалось выйти из окружения и мне.

После формирования я попал под Воронеж. Жарко приходилось артиллеристам и здесь. За день отражали по несколько атак противника. Удостоился первой награды – медали «За боевые заслуги».

Под Курском Красная Армия заняла прочную оборону. Потерпев крах под Москвой и Сталинградом, немцы готовились на Курской дуге осуществить мощное летнее

наступление. 5 июля началась одна из крупнейших битв Великой Отечественной войны. День и ночь содрогалась земля от взрывов, не смолкал и гул танковых моторов, рёв самолетов в небе. Казалось, был потерян счёт времени.

Замысел гитлеровцев не осуществился. Остановив врага, мы сами перешли в решительное контрнаступление. Освобождены Орёл, Белгород. Битва под Курском поставила фашистскую армию перед катастрофой.

Советские войска наступают по всему фронту. Перед нами воды Днепра. А на том берегу сильно укрепился враг. В числе первых форсируем могучую реку. Захватили плацдарм и удерживали его до подхода основных сил.

Мощный днепровский вал разбит. Выиграна ещё одна битва. За форсирование Днепра (а было это в районе Переяслав-Хмельницкого) я был награждён орденом Красной Звезды.

Вступаем в Польшу, освобождаем другие страны Европы. Близится конец войне. Наши войска штурмуют Берлин. И вот над рейхстагом взвилось Красное Знамя. Гремят салюты Победы.

Но отдельные немецкие группировки сопротивляются. Смертельная угроза нависла над Чехословакией. Советские войска спешат на выручку восставшему народу. Подписана капитуляция Германии, а здесь идут ожесточённые бои. Горестно терять друзей-товарищей в первые дни мира.

Немецкая группировка разбита. Столица Чехословакии освобождена. Ликует Прага, все жители вышли встречать воинов-освободителей.

За бои в Чехословакии я удостоился высшей солдатской награды – ордена Славы 3-й степени.

Отгремели бои, возвращаемся домой, в Россию. Солдаты-фронтовики приступают к мирному труду. До самой пенсии я проработал слесарем в Торопецком автотранспортном предприятии. Однако на отдых не ушёл. Остался в

коллективе: чувствую, что могу принести ещё пользу. Продолжаю слесарить.

К боевым медалям и орденам добавились награды за мирный труд. Родина высоко оценила мои заслуги. Я награждён орденами «Знак почёта» и Трудовой славы 3-й степени.

Полетов Пётр Алексеевич

Родился 5 января 1909 года в д. Поповка Конищевского сельсовета. Русский. Член КПСС. До войны – председатель колхоза «Завет Ильича». В Красной армии с июня 1941 года. После демобилизации в 1945 году вновь возглавил колхоз.

Сегодня я отмечаю своё 75-летие. Прожита большая и трудная жизнь. И вся она связана с землёй. Я помню ещё те времена, когда земля принадлежала богатым людям. Мальчишкой не раз видел барина, на которого гнули спины крестьяне Суходола и других деревень.

Мне шёл девятый год, когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Кончилась власть мироедов. В деревнях начиналась новая жизнь, зарождался комсомол. Сам я стал комсомольцем в 1931 году. В 1937 году односельчане доверили мне, 28-летнему, руководить колхозом «Заветы Ильича». Год от года налаживалось, крепло наше хозяйство, росли урожаи, лучше становилась жизнь колхозников, работающих на свободной земле, на себя.

Летом сорок первого года оборвалась мирная жизнь. Нам, мужчинам, пришлось оставить свои семьи, свои деревни, свою землю и идти защищать их от лютого врага - германского фашизма. Уже на второй день войны я был призван в армию. Попал в зенитную дивизию, стал командиром огневого взвода.

Тревожные дни осени сорок первого года. Фашисты рвутся к Москве, они уже на ближних подступах к столице. Активизировала действия вражеская авиация. Стволы наших зениток не успевали остывать. Мы отражали атаки фашистских стервятников под Калинином, Демидовом и на других направлениях. Фашисты не прошли, были отброшены от Москвы. Горжусь, что и я защищал столицу, горжусь первой полученной наградой – медалью «За оборону Москвы».

Вспоминаются бои на Калининщине. В конце 1942 года мы прикрывали пехоту в районе Погорелого Городища. На боевые порядки наших войск налетели пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87». Они бросали бомбы, вели пулемётный огонь. Я находился на позиции своего взвода. Видя, что наводчик одного из орудий нервничает и поэтому не отличается меткостью, сам прильнул к прицелу. Орудие вело огонь по отбомбившемуся и летящему на бреющей высоте самолёту. Радости моей не было конца, когда грозный бомбардировщик рухнул на землю. А вскоре мне вручили медаль «За отвагу». Эта награда мне очень дорога.

Наша дивизия участвовала в боях на Смоленщине, в Белоруссии, освобождала Оршу, Борисов, Минск. За освобождение Минска я был награждён орденом Красной Звезды. А за бои под Кенигсбергом в составе войск 3-го Белорусского фронта получил сразу две награды – второй орден Красной Звезды и медаль «За взятие Кенигсберга».

В Восточной Пруссии, под Пиллау, где мы прижали к морю и пленили тысячи гитлеровцев, встретил я день Победы. Но

война для меня и моих товарищей тогда не окончилась. Наше соединение было переброшено на Дальний Восток. Проезжали мы через Торопец. Так хотелось повидаться с родными, но служба есть служба. В августе сорок пятого я принимал участие в боях против японских войск на Харбинском направлении.

А потом был путь домой. Вернулся я в родные края в декабре победного сорок пятого года. А в феврале сорок шестого был избран председателем колхоза «Заветы Ильича». Работал в этой должности до шестьдесят первого года. Потом был бригадиром и управляющим отделения совхоза «Конищевский».

Васильев М.

До войны я жил и работал трактористом в своей родной деревне Заборье, что входит в колхоз «Путь Ленина». Священная битва с врагом — немецким фашизмом позвала меня в ряды Советской Армии. Мне шел двадцатый год, когда я попал на фронт. Было это в январе 1942 года в Орловской области.

Пехотная часть, в которой я служил стрелком, а затем пулеметчиком, вела наступательные бои. Чтобы узнать силы противника, требовалось взять «языка». Два раза ходили наши бойцы в тыл немцев и все безуспешно. На третий раз в поисковой группе оказался я. Помню, залегли мы возле дороги недалеко от линии фронта. Вскоре показался обоз из нескольких подвод. Мы пропустили передние подводы, а на последнюю напали. Фашистский солдат даже закричать не успел. Сунули ему в рот кляп, положили на лыжи и доставили в свое расположение. За эту операцию меня наградили медалью «За отвагу».

25 февраля этого же года в одном из боев я был ранен, девять месяцев пролежал в госпитале.

После госпиталя попал снова на фронт, на этот раз в понтонно-мостовой батальон. Бои шли в районе Гродно. Мы навели переправу через реку Неман. Но вот налетели фашистские стервятники. 38 бомбардировщиков обрушили бомбовый удар по понтонам. Один заход, другой, третий. Вскипала фонтанами вода. Четыре самолета сбили наши зенитчики, но досталось и понтонам, переправа войск задерживалась. Тогда мы начали строить понтонный мост в другом месте реки. Работали без отдыха. И переправа была обеспечена. Она велась ночью. Несколько ночей двигались по нашему мосту пехотинцы, артиллеристы, танкисты. Группа солдат-понтонеров была отмечена наградами. Я удостоился ордена «Красная Звезда».

Снова бои. Второй Белорусский фронт. Пятая танковая армия. Река Висла. На ней под огнем противника мне снова пришлось наводить переправу. На Висле меня ранило в ногу и руку.

Войну я закончил под Кенигсбергом. На груди появились новые награды — медаль «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

В сорок шестом я демобилизовался, вернулся в родной колхоз. Работаю, как и прежде, трактористом, летом сажусь на комбайн. В прошлом году убрал 283 гектара хлебов. Недавно в моей жизни произошло большое событие - меня приняли кандидатом в члены партии.

У меня двое детей. Старший сын Виктор пошел по моим стопам - учится в училище механизации, дочь Альвина ходит в школу.

Я, бывший солдат, ветеран войны, хочу мира для своей страны, для своих детей, для всей земли.

Но пусть знают агрессоры любых мастей, что советские люди могут постоять за себя и обуздать их, как обуздали двадцать лет назад бандитов из армии Гитлера.

Васильева Е.

Школу окончила я в 1941 году. Был выпускной вечер, были смех, веселье. Одноклассники делились сокровенными мыслями, строили планы на будущее. Мы стояли на пороге большой жизни, и от ожидания чего-то нового, необычного нам было радостно и немного тревожно.

Свои планы были и у меня. Очень хотелось учиться в медицинском институте. Однако мои намерения круто изменила война. Она пришла внезапно, и горе чёрным крылом захлестнуло советский народ. Тяжёлые, кованные сапоги фашистов топтали нашу землю. С горечью слушали мы тогда сводки Совинформбюро. Сообщение о каждом захваченном оккупантами городе отдавалось в сердце болью.

Пришли немцы и в Торопец. Во время оккупации я находилась в деревне Ляпуново. Трудное было время, но мы ни на минуту не теряли надежду на скорое освобождение. И советские солдаты вернулись на торопецкую землю.

После освобождения мне предложили возглавить полеводческую бригаду в колхозе «Красный ручей». Около года занимала эту должность. А потом (это был уже 43-й) мне вручили повестку из райвоенкомата. И я надела солдатскую шинель...

Воевать довелось в роте связи. Была телефонисткой. И свою специальность считала важной, необходимой.

Перед нашей ротой стояла задача обеспечивать бесперебойную связь между подразделениями. Каждый из нас понимал, что успех боя во многом зависит от чёткого

исполнения команд, от взаимодействия подразделения. И мы старались сделать всё, чтобы связь была постоянной.

Помнится, держал наш корпус оборону в Латвии. Готовилось наступление. И вот был отдан приказ разведроте произвести разведку боем и захватить в плен «языка». Это случилось в моё дежурство. Находясь в окопе, я обеспечивала связь между ротой и командным пунктом. Операция прошла успешно. Всех, кто принял участие в ней, представили к наградам. Я получила медаль «За отвагу».

Наша часть прошла с боями по Прибалтике, Польше. Войну закончила в Берлине. Здесь мне вручили орден Красной Звезды.

Очень хорошо запомнился День Победы. В ночь на 9 мая я дежурила. Уже под утро слышу по телефону: «Победа!» Сколько радости было! Да разве найдутся слова, чтобы выразить чувство, которое вызвало у меня в те минуты это короткое слово.

Сейчас работаю в магазине районного объединения «Сельхозтехники». У меня два сына. Один из них – капитан военно-воздушных сил СССР, другой проходит действительную службу в рядах Советской армии. В день Победы они каждый раз поздравляют меня и отца – тоже участника Великой Отечественной войны.

Егиоя Леопольд Алексеевич

Егиоя Леопольд Алексеевич родился в городе Торопце 20 февраля 1925 года. Эстонец. Член КПСС. Образование высшее. До войны – учащийся. После оккупации работал надсмотрщиком телефонной станции Торопецкой конторы связи. В ряды Красной армии призван в январе 1943 года.

Служил связистом. В войне с Японией был наводчиком. Службу продолжил на Тихоокеанском флоте. После демобилизации работал в школе преподавателем.

22 июня 1941... Стоял ясный, тёплый, солнечный, воскресный день, все спешили на отдых, на лоно природы - ничто не предвещало беды. В тот момент, когда московское радио прервало свою музыкальную программу и объявило о передаче правительственного сообщения, я находился в парикмахерской.

Я, как и большинство советских людей, ещё не знал, что уже 8 часов назад жители пограничных и приграничных районов страны на западе уже хватили военного лиха, увидели лицо фашизма без маски.

Выступал Народный Комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов: "...сегодня в 4 часа утра... без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы... подвергли бомбардировке наши города..."

Слова ошеломили. Все в парикмахерской притихли. Наступила гробовая тишина. Что дальше? Что теперь должен делать я? Как жить? Вероятно, такой вопрос задавал себе каждый. Из всеобщего оцепенения вывел голос моего мастера. Положив инструмент сказал: "Наверно, дома уже ждет меня повестка. Надо идти в военкомат."

... Наступали тяжёлые дни. Вскоре в небе стали появляться немецкие бомбардировщики. Почти сутки горела нефтебаза, подожженная немецкими бомбами. На железнодорожной станции Торопца фашисты безжалостно разбомбили два эшелона с ранеными фронтовиками, горели эшелоны с оружием и боеприпасами. Бомбардировке подверглись и городские здания.

Каждый день с большой тревогой и нетерпением ждали мы сводок Совинформбюро, надеясь услышать, что враг остановлен, что началось изгнание фашистской нечисти с

нашей земли. А они были безрадостные. Красная Армия, ведя тяжёлые бои с превосходящими силами противника, продолжала отступать, газеты и радио сообщали о зверствах фашистов на нашей земле, о гитлеровских концлагерях, о варварском обращении с советскими военнопленными, об уничтожении еврейского населения в Киеве, Могилеве, Львове и других городах. Содрогалась душа, кровь застывала в жилах от таких сообщений; не верилось, не укладывалось в голове, что такое могли творить люди...

И вот 29 августа 41-го года во второй половине дня немцы овладели городом Торопцем. Наши части организованно отошли по улице Октябрьской и Карла Маркса в направлении деревни Понизовье. Больших уличных боёв в городе не было, но перестрелка не прекращалась до тех пор, пока последний советский солдат не оставил город. Для прикрытия отхода наших подразделений на краю кладбища «Восстань» (недалеко от нашего дома) один из пулемётных расчётов занял удобную позицию, начал поливать свинцовым дождем из «Максима» непрошенных гостей, но скоро и он отошёл.

Немцы заняли город, стихла перестрелка. Жители стали осторожно выглядывать из домов, на углу улиц Октябрьской и Первомайской немцы уже хоронили своих убитых.

У нашего дома лежал какой-то труп. Подошли посмотреть. По знакам различия определили, что это наш, русский, капитан Красной армии. Рядом с трупом валялась кисть руки и пробитый осколком пистолет ТТ. Сам труп был обезображен взрывом: вся левая часть туловища на уровне пояса была разворочена, левая рука без кисти до самого плеча представляла кровавое месиво, очевидно, вражеская пуля попала в сумку с гранатами на поясе капитана и взорвала их.

Мы решили похоронить его, чтобы не валялся он под ногами фашистского зверя. Расстегнув нагрудный карман гимнастёрки погибшего, я достал его документы, развернул удостоверение личности. Успел отметить, что капитан был из Красноярского края. Фамилии и имени прочитать не успел: подошедший к нам с группой немецких солдат гитлеровский офицер вырвал документы у меня из рук, положил их к себе в карман, бегло просмотрев их.

Капитана мы похоронили на горе у кладбища, после войны его останки были перезахоронены на Братском кладбище. Я так до сих пор и не знаю имени беззаветного героя, а потому и не смог ничего сообщить его семье. Куда напишешь, ничего не зная?

Не знаю я и имён других трёх героев, погибших в нашем городе при отступлении. Три раненых красноармейца, не бросая оружия, медленно отходили по Октябрьской. Это были последние солдаты нашей Армии, покидавшие город. Израненные, они, очевидно, уже не могли догнать и соединиться со своей частью и понимали это. Не желая оказаться в плену у фашистов и не имея возможности уйти от них, они засели в одном из домов на ул. 1 Мая (недалеко от улицы Октябрьской) и предпочли умереть, но не сдаться. Оборудовав в этом доме огневую позицию, открыли меткий огонь по появляющимся фашистам, задерживая их продвижение по улице; немцы несли потери, но никак не могли выбить отважных воинов из дома. Уже к вечеру, потеряв всякую надежду подавить огневую точку имеющимися силами, немцы вызвали танк, чтобы разделаться с героями. С близкого расстояния танковое орудие произвело несколько выстрелов по дому, красноармейцы погибли в огне, но до последних секунд своей жизни остались верны воинской присяге, своему долгу, Родине.

С первого же дня оккупации в городе начались грабежи, фашисты ходили по домам и тащили всё, что только могло им приглянуться: по дворам ловили кур, отбирали скот. К колодцу у нашего дома трижды в день приезжала походная немецкая кухня с группой солдат. Пока повара наполняли кухни водой, солдаты забегали в ближайшие дома, грабили население, по дворам искали кур и свиней, в огородах копали картофель, волокли овощи с собой. И так каждый день.

В центре города, на территории, где сейчас находится городской стадион, фашисты устроили временный лагерь для военнопленных. По углам построили небольшие вышки и установили там пулемёты. Голодные и раненые, пленные целыми сутками в любую погоду находились под открытым небом. Жителей города, пытавшихся что-либо им передать из еды, немцы били прикладами, палками и отгоняли прочь.

С первого же дня прихода немцев на заборах и домах появились приказы военной комендатуры (сама комендатура была размещена в здании нынешнего райисполкома), в которых с немецкой пунктуальностью предельно ясно разъяснялось, за что полагается виселица, а за что – расстрел:

- за появление на улице после комендантского часа – расстрел,
- за укрывательство красноармейцев и командиров – расстрел,
- за связи и помощь партизанам – повешение,
- за укрывательство евреев – расстрел,
- за нападение на солдат и офицеров «доблестной германской армии» – расстрел,
- за порчу линий связи – расстрел,
- за отказ выйти на работу на благо "великой Германии" – повешение,
- за хранение оружия – расстрел и т.д.

Если не были пойманы "преступники", брались и расстреливались заложники.

И слова у оккупантов не расходились с делами. Мой сосед Андреев Пётр был расстрелян на своём же огороде только за то, что в сарае у него нашли обгоревший штык от винтовки, который притащили его малолетние мальчишки с разбомблённого немцами и сгоревшего эшелона на вокзале. Его двенадцатилетний сын Миша был застрелен немецким патрулём за то, что тот выбежал на улицу утром, до окончания комендантского часа. На Октябрьской улице был обрезан телефонный кабель – взяли 10 заложников, которые затем были расстреляны. Ночью на улице был убит немецкий офицер – опять заложники...

На дубе, в центре города, около разрушенного в то время здания госбанка, в подвале которого фашисты содержали заключённых, в конце сентября, после пыток и издевательств, повесили схваченных при выполнении задания партизан Ларионова и Василия Евграфьева. Трое суток не позволяли фашисты снять и похоронить повешенных.

Затем рядом была построена виселица, где через несколько дней были повешены член ВКП/б/ Павел Добрынкин, отказавшийся работать на благо "великой Германии", и Львов, которого всё же заставили работать на железной дороге, и он стал "добросовестно" трудиться: обрезал у вагонов тормозные шланги, сыпал в буксы песок, подбрасывал мины в тендеры паровозов, делал все, что мог, чтобы военные грузы фашистов не доходили до места назначения.

Для устрашения населения города на казнь фашисты насильно сгоняли всех жителей, оставшихся в оккупации. Так насаждался и внедрялся «новый порядок».

В первых числах января 1942 года возник пожар на немецких военных складах (на месте расположения в

настоящее время воинской части и складов в северо-восточной части города). Немцы поняли, что это дело рук партизан или подпольщиков. Началась ночная облава. Фашисты врываются в дома и хватали всех без исключения: стариков, детей, беременных и больных женщин. Не давали времени даже одеться как следует: прямо с постелей выбрасывали людей на улицу, а мороз достигал градусов двадцати, всех сгоняли на сборный пункт для проверки. Мне с родителями пришлось просидеть в холодной церкви на улице Ленинградской, около теперешнего лесхоза. Только утром, часов около 11-ти, после проверки документов, которые случайно оказались с нами, нас, чуть живых от холода, отпустили домой; всех же подозрительных отправили в Небин монастырь (ныне помещение литейно-механического завода), откуда мало кто вернулся.

Впоследствии один из полицейских говорил, что немцы собирались уничтожить всё население города, как заложников, за поджог складов, если бы один из немецких солдат (возможно, немецкий коммунист или антифашист) не "признался", что пожар произошёл по его неосторожности, взяв этим вину на себя.

В начале сентября 1941 года повесили приказ военного коменданта о регистрации коммунистов и граждан еврейской национальности. Все евреи обязаны были носить на левом рукаве белую повязку с шестиугольной звездой. Через несколько дней после окончания регистрации всем евреям было приказано взять свои лучшие вещи (в ограниченном количестве) и драгоценности и явиться на сборный пункт для отправки на новое место жительства. Сборным пунктом являлся барак торопецкого льнозавода (сейчас на этом месте построена школа-интернат). Сам завод сожгли немцы, когда вступили в город. Несмотря на то, что из советских газет все уже знали, что сделали фашисты с евреями в Киеве, Львове и других оккупированных городах, многие ещё

не верили этому, когда некоторые русские люди пытались уговорить евреев отдать им малолетних детей, чтобы спасти их, укрыть от фашистов. Они не соглашались и шли со стариками и детьми навстречу своей гибели.

Трагедия произошла в конце сентября. Вначале молодых мужчин евреев привели в рощу копать яму, а затем пригнали и всех остальных, поставили на краю ямы. Раздались автоматные очереди, многие падали в яму ещё живыми, детей немецкие солдаты живыми бросали в яму штыками.

По сей день с содроганием вспоминаю этот ужасный день, такой солнечный и тёплый, до сих пор слышу предсмертные крики ужаса ни в чём не повинных стариков, женщин, детей, заглушаемых автоматными очередями, всё это было, хотя порой и самому трудно поверить, что такое возможно.

Крики и автоматные очереди были слышны в городе. Мы стояли оцепенев, слушая и понимая, что происходит в роще, но не имели ни малейшей возможности чем-нибудь помочь несчастным. Некоторые из нас, не отдавая отчёта своим действиям, бросились было в рощу, но были остановлены автоматчиками оцепления уже на углу Рощинской и Карла Маркса.

Очевидцы утверждали, что ещё на следующий день были слышны стоны из плохо заваленной землёй ямы, а сама яма ещё шевелилась. Так за несколько минут было уничтожено более 75 человек.

С ужасом и сейчас вспоминаются черные дни фашистской оккупации. Голод. Вечное ожидание, что вот-вот сейчас кто-нибудь ворвется в твой дом, тебя схватят и погонят неизвестно куда и зачем. Хорошо ещё, что полицейский нашего участка Васильев оказался более или менее человечным, не зверствовал, как некоторые фашистские прихвостни в других районах города. Не знаю, каким образом он попал в полицию, но немецким холуем не стал. Он часто предупреждал нас о намерениях фашистов и этим

избавлял от некоторых бед, которых и без того было достаточно.

Когда Красная Армия освободила город, все полицейские, начальник городской управы Александр Александрович Тумашов (бывший учитель физики средней школы №2, который нам внушал, что физику знает на "5" только один бог, он знает на «4», а мы не можем знать её больше, как на «3»), его переводчица Васильева А.С. (бывшая учительница немецкого языка) были сразу арестованы, а некоторые даже расстреляны на месте.

Полицейский Васильев по ходатайству населения, а может быть, и по каким другим причинам, через пару дней был выпущен на свободу. Впоследствии он работал в одной из организация в городе и умер, уже будучи па пенсии.

Тяжело было переносить голод, нигде ничего нельзя было купить. Немцы разграбили всё, что не успели спрятать. Прятать мы начали уже после первого дня разбоя и грабежа, когда уже почти все было разграблено немцами. Оставшееся прятали по ночам, когда фашисты побаивались ходить по домам. Днем же фашисты один за другим врывались в дома и каждый требовал: «Матка, кура! Матка, яйки!» А раз уж ничего хорошего уже не оставалось, брали все, что попадало под руку.

Помню, матери на второй день после прихода немцев в город удалось сварить полкастрюли картофеля, чтобы что-то поесть. Но не тут-то было. Неожиданно вошли в дом солдаты, выхватили из рук кастрюлю и вышли, запихивая горячие картофелины в рот.

Ни одной радостной минутки за всё время оккупации! Впрочем, нет. Было одно событие, которое порадовало всех советских людей, оказавшихся в оккупированном городе, радовались в душе – за «неуместную» радость тоже можно было поплатиться жизнью.

Это случилось однажды ночью, кажется, в январе 1942 года. В помещении средней школы №2, где располагался немецкий штаб, проходило какое-то важное собрание старшего офицерского состава фронта, где, как утверждали очевидцы, присутствовало и несколько генералов. Около 11 часов вечера, когда совещание шло полным ходом, в воздухе появился советский самолёт и сбросил одну-единственную бомбу на штаб. В результате прямого попадания штаб был полностью разрушен и погибли все бывшие там фашисты, кроме одного раненого офицера и собаки, выползших из-под обломков.

Активизировалась и фашистская пропаганда, на улицах появились многочисленные портреты фюрера, плакаты с фотографиями о райской жизни молодежи, угнанной в Германию. С фотографий смотрели наглые физиономии немецких юнцов, переодетых в русские кепки, пиджаки и косоворотки, которые позировали перед фотографом в кругу семей бауэров на отдыхе, за обеденным столом, уставленным всевозможными яствами, в шикарно обставленных комнатах, где они живут, и во многих других смешных сценках. Плакаты утверждали, что только в Германии молодёжь оккупированных районов и может обрести счастливую, радостную и сытую жизнь.

Фашисты всячески внушали населению, что победоносная германская армия нас, русских, навсегда освободила от гнёта коммунистов, что Красная армия уже полностью разгромлена. Два раза в городе немцы устраивали праздники с фейерверками по поводу взятия Петербурга (как они называли Ленинград) и падения Москвы. Большинство русских людей, понятно, не верило всему этому, но на душе было страшно тяжело.

Немцы открыли церковь «Восстань», и рыжий поп на каждом богослужении пел «долгие лета Адольфу Гитлеру» и «здравия непобедимой германской армии»

освободительнице» (за что и получил пули в лоб в первые же часы освобождения Торопца).

Правду о положении на фронтах мы узнали в начале января 1942 года из листовок и свежих номеров газеты «Правда», сброшенных над городом советским самолётом. В них мы прочитали и узнали, к неопишуемой нашей радости, что Красная армия не только жива, но и окрепла, успешно бьёт фашистскую нечисть под Москвой и на других фронтах, что И.В. Сталин и Советское правительство в Москве никогда не покидали её, что Ленинград был и всегда будет нашим.

Беспокойно стали вести себя немцы в январе 1942 года. Мы чувствовали, что их что-то изрядно тревожит, как бы ни старались они это скрыть от населения. И вот в середине месяца мы по ночам уже слышали отдалённые звуки артиллерийской канонады. Становилось ясно – идёт Красная армия, недолго осталось нам жить по фашистским приказам.

Немцы начали выгонять население на расчистку дорог от снежных заносов (зима была очень снежная). Потом они заставили валить лес на восточной окраине города; приказывали оставлять пни не менее метра высотой. Получившиеся завалы немцы минировали. Нам говорили, что нужно улучшить обзор вокруг города для защиты от появившихся здесь партизан. Но мы-то поминали, что такие завалы нужны для защиты не от партизан, а от советских танков.

17-19 января началось интенсивное движение фашистов на запад через город. На машинах, повозках, деревенских розвальнях, запряженных лошадьми, отобранными у колхозников.

Никогда не забыть такой картины: замёрзшие, как сосульки, фрицы сидят, съёжившись на санях, а зачастую и в прицепленных к ним детских саночках, закутанные, как

истуканы, в отобранную у населения гражданскую одежду, одеяла, платки и другие принадлежности женского туалета, не соответствующие назначению. Целыми днями текла эта нечисть на запад, туда, откуда совсем недавно шли, воображая себя непобедимыми завоевателями Европы. Невольно вспомнились картины бегства Наполеона из России, виденные на уроках истории. Исполнилось предвидение товарища Сталина, сделанное в речи по радио ещё 3 июля 1941 года: «Гитлеровская фашистская армия также будет разбита, как разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Фашисты оборонялись в Торопце двое суток, заняв оборону в районе вокзала и в роще, они во многих домах и церквях пробили амбразуры и установили пулемёты, на перекрёстках стояли противотанковые орудия. Ночью, чтобы осветить передний край, жгли хутора. Так, за последние две ночи были сожжены хутора Криби, Рагуэля и Аболина.

Но старания фашистов удержать Торопец, как важный в стратегическом отношении опорный пункт, были тщетны. Почувствовав, что они окружены, немцы бросились в паническое бегство. Это, кстати, и спасло наш город от намерения фашистов сжечь его. Но не многим, мне кажется, удалось выйти из окружения. Многие сотни машин, бронетранспортеров, танки, орудия, пулемётные тачанки, были брошены на снегу на улицах города, понизовского большака, на железнодорожном переезде большака Торопец – Плоскошь (в районе Отрадное).

Уходя из города, фашисты заживо сожгли в подвале 29 советских военнопленных.

Звериная натура фашистов, кстати, проявлялась не только в отношении к советским людям. В помещении средней школы №1 помещался немецкий госпиталь. При бегстве из города немцы не смогли эвакуировать всех своих раненых. Когда мне пришлось в составе трофейной команды по сбору

медикаментов для нашей районной больницы побывать там, неожиданно увидел неприглядную картину: больше десятка тяжело раненых немцев было пристреляно прямо на койках, некоторые солдаты и офицеры, еще не переодетые в госпитальную одежду, хотя наскоро перебинтованные, валялись в проходе между койками.

Незабываемой была первая встреча с нашими разведчиками, появившимися в городе в ночь на 21 января, а затем и с воинами Красной армии, принесшими свободу нашему древнему городу!

Иванов Николай Иванович

Родился я в морозный декабрьский день 1926 года. В честь Николы зимнего меня называли Николаем. Я стал последним ребёнком в семье моего отца, плотника Ивана. Мать моя, Евдокия, в этот же день встала и пошла заниматься своим привычным женским трудом. А меня, чтобы я не простыл, завернули в одеяльце и положили в печурку.

Жили мы в это время на хуторе Дубровка, Торопецкого уезда Псковской губернии. Нашу семью, а она была большой (семеро детей, родители и трое стариков), так и называли «дубровские». Для большой семьи и хозяйство надо большое: держали мы три коровы, две лошади, другой скот. Из своего детства я помню подворье, полное кур, стадо овец и маленькую чёрную лошадку Машку, которая долго сопротивлялась, даже кусалась, прежде чем позволить одеть себе на шею хомут.

Чтобы не попасть в «кулаки», отец продал две коровы и лошадь и числился середняком. Когда началась коллективизация, на «общем «заседании» семьи, было решено записаться в колхоз. Происходило это в 1932 году. Мне запомнилось, что происходило это вечером, в избе пахло свежевыкопанным картофелем. Все сидели вокруг главы семьи и обсуждали вопрос: как жить дальше.

Родители оставили себе корову, да кур, да 5 овец. Остальное сдали в колхоз. Всех стали выселять с хуторов. Отец забил гвоздями двери дома, закрыл окна, погрузил на телегу скарб, и мы поехали в село.

В огромном доме раскулаченного поселили две семьи. Этот период жизни, длившийся более года, я запомнил на всю жизнь.

Посреди огромного двора, заросшего спорышем, лежал серый камень-валун. На завалинке покуривали мужики. Я же взбирался на камень, как на пьедестал, поднимал правую руку и орал во всё горло: «Колхоз тебе на шею!» Это вызывало смех и даже одобрение.

Ещё я любил лепить из глины лошадок и птиц, рисовать палочкой на бересте. Бумаги и карандашей у меня тогда не было. Потом отец купит новый пахнущий лаком карандаш. Это был самый радостный вечер. С этого времени и зародилась моя страсть к творчеству.

Совместная жизнь крестьянских семей, общие обеды и ничего своего, скоро наскучили народу. Насытившись жизнью в коммуне, мужики потихоньку стали возвращаться на свои хутора. Вернулась в свой, срубленный отцом теплый дом, и наша семья.

Но жить в колхозе по-прежнему было невмоготу. Мой отец – отличный плотник, столяр, резчик по дереву был нужен везде. И вскоре он нашёл работу в городе Торопце. Директор небольшого завода, оценив трудолюбие моего отца и его

востребованные профессии, помог получить ему паспорт и выйти из колхоза.

Вскоре мы всей семьёй переехали в Торопец. Я помню этот переезд, ведь мне было уже 7 лет. Запомнился зимний вечер, скрип полозьев саней. Помню себя, сидящего в большой бочке из-под капусты, куда меня поместили вместе с какими-то пожитками. Мне было тепло и тревожно в ожидании новой, неизведанной городской жизни.

Некоторое время семья ютилась в небольшой комнатухе на частной квартире, но уже в 1935 году мы переехали в новый, руками отца построенный дом.

Быстро летели довоенные школьные годы. Жизнь страны была насыщена выдающимися событиями, которые волновали и молодёжь. Это было время героических подвигов лётчиков, дрейф Папанина в Ледовитом океане, покорение высот на воздушных шарах, Днепрогэс, пуск новых заводов, строительство новых городов. Запомнился конец 30-х годов: события в Испании и финская кампания.

К началу Великой Отечественной войны я окончил 7 классов. В районной газете «Октябрь» уже были опубликованы мои первые стихи. В школе я был ответственным за оформление стенгазеты, в которой были мои рисунки. Уже был намечен дальнейший путь учёбы: Литературный институт им. Горького.

Перед самым началом войны, мать как-то сказала:

- Хватит тебе, сынок, летом наниматься в пастухи, будешь отдыхать, как и все дети.

Но отдыхать не пришлось. Началась война. Фашистские войска подходили к городу.

Отца в армию не взяли по возрасту. Мы пытались эвакуироваться, уйти из города. Взяли с собой корову, это был наш источник питания. По дороге шла колонна

гражданского населения и наши войска в сторону Осташкова, где они занимали оборону и дальше фашистов не пустили.

На одном из переходов на полуторке, грузовой машине, вдруг встает капитан и кричит: «Мальчик, лови, это тебе». И бросил к моим ногам пакет. Я сначала растерялся, но папа сказал: «Тебе же бросили, значит, бери». В пакете оказалось все то, что мне было крайне необходимо: акварельные краски, колонковые кисти, альбомы, карандаши... Судьба, наверное... Я на каждой остановке вынимал альбом и писал. Когда же пришли в одну заброшенную деревню, в избе, где мы остановились, устроил выставку. Работ двадцать развесил по стенам, в основном пейзажей. Что еще можно было написать утром или вечером, когда устраивались на отдых?

Потом пришли наши солдаты и прямо под домом стали рыть траншею. Готовились к боям, но неожиданно ушли, на прощанье сказав: «Живите, а ты пиши свои картины, станешь художником. Мы тебя найдем потом, после войны...».

Только они ушли, через какое - то время в село ворвались немецкие танки. Вошла эсесовская дивизия, в черной форме и черных пилотках, а на них - череп и две кости. К нам в избу двое заглянули. Один сразу у матери отобрал все съестное, другой стал разглядывать мои картины. Рукой провел в их сторону: «Зер гут!» – только и сказал.

Вскоре мы вернулись в захваченный немцами, загаженный Торопец, переполненный советскими военнопленными. В городе был огромный лагерь и огромный ров, куда сбрасывали каждый день десятки наших, уже неживых солдат – без имен и без фамилий. Никто это не учитывал. Почему я знаю? Потому что мы с матерью ходили туда, хотели подкормить военнопленных. Но один немец так исхлестал ее резиновой дубинкой... А из-за проволоки

доносилось: «Мама, есть хочу. Дайте хоть что-нибудь».

Оккупация длилась недолго, и в январе 1942 года вместе с Красной армией пришло освобождение. Фашисты оставили на улицах сотни автомашин, орудия, склады продовольствия и вооружения. Они оставили после себя виселицу на главной площади города, коробки сгоревших домов и голодную зиму.

В одном из трофейных автобусов я нашел нотную бумагу и стал на ней писать стихи. Кстати, эта бумага у меня со стихами сохранилась до сих пор.

Среднюю школу №1, в которой я учился, фашисты превратили в конюшню. В классах стояли лошади. Книги, глобусы, географические карты были выброшены на мусорную свалку.

А так хотелось учиться! Школы в городе открылись позже. Я пошёл работать, направился в село Пятницкое, где до войны располагалась Скворцовская МТС. Прошёл краткосрочные курсы и в неполные шестнадцать лет стал трактористом. Трудился на стареньком ХТЗ, работавшем на керосине. Когда его не было, завезли бочку скипидара и снова гудел мотор. К вечеру его разбирали, очищали от смолы, собирали и опять в борозду.

В Скворцовской МТС работал будущий писатель-публицист, тогда юноша, восемнадцатилетний Ваня Васильев. Его сюда на должность помощника начальника политотдела направил Калининский обком комсомола.

С питанием было плохо. Добывали, что могли: пекли картофельные оладьи, варили крапиву и свекольную ботву. И хотя скоро открыли столовую, наше меню оставалось прежним.

Спали мы беспокойно, по ночам над деревней гудели немецкие самолёты, ведь фронт был рядом.

В мае 1943 года в связи с восстановлением Торопецкой

МТС, я перевёлся туда. И снова на поля бедных, разграбленных фашистами колхозов.

На войну я ушел осенью 1943 года, когда мне еще не исполнилось и семнадцати лет. Тогда призывали 1926 год, не важно, в каком месяце ты родился. Нас привезли в Чувашскую АССР в запасной полк, где поучили полтора месяца и отправили на фронт в составе 41-й гвардейской прославленной стрелковой дивизии в качестве дальнобойщика.

Затем я закончил при дивизии курсы снайперов.

Но воевал с автоматом. Прошел Молдавию, Румынию, Венгрию, Югославию... В Югославии есть район Воеводина, где в основном жили сербы. Они нас так встречали, как дома порой не встречают. Каждый житель «тащил» к себе. «Братушка, ко мне зайди, ко мне...» Один мужчина вытащил маленький бочонок вина. Оно в земле было закопано сто лет. Он себе слово дал дожждаться, когда придут русские, и тогда открыть бочонок с виноградным вином.

Из Югославии снова вошли в Венгрию, шли бои за Будапешт. Самый памятный момент – форсирование Дуная 26 ноября 1944 года. Я дошел до небольшого городка Сексарт. Здесь ожесточенные бои доходили до рукопашной.

Мне не было страшно, об этом не думал. Сердце сжималось при воспоминании о маме. Вот сегодня, думаю, я жив, в следующем бою, может быть, погибну. В дом придет еще одна похоронка. А мама их уже три получила. Но я решил так: вернусь домой живым.

В одну из атак, чувствую, мина свистит, падаю лицом вниз. Мина разорвалась совсем близко, осколок пробил мне каску, я потерял сознание. Когда очнулся, ощутил: по лицу течет кровь... Пришлось ползком выбираться до расположения наших. Ещё один «подарочек» получил по пути. Рядом взорвалась мина и осколок угодил мне в колено, где до сих пор отдыхает. Меня парализовало, отнялась правая

рука, да еще контузия головы. Когда приполз к своим, бежит мимо командир другого взвода лейтенант Морозов. До сих пор ему желаю, если он живой, здоровья.

Я говорю:

- Товарищ лейтенант, помогите!

Спрашивает:

- А кто ты?

- Я, Иванов.

- Иванов?! Тебя же не узнать.

И началась у меня другая жизнь: санбат, госпитали, санитарный поезд...

Пять месяцев меня переводили из одного госпиталя в другой. Долечивался в Грузии, в Тбилиси. Весной уже ходил с палочкой. В госпиталях не оставлял любимое творчество: писал стихи, рисовал портреты раненых, дарил маленькие альбомы друзьям по палате на память. Вскоре комиссия дала освобождение на шесть месяцев, и я поехал домой.

...В Торопец приехал утром. Ехал домой не один, еще ребята из нашего города возвращались: кто с палочкой, кто на костылях, кто без руки... Пришел домой, постучал. Мама выходит на крылечко, к калитке подходит и говорит:

- Солдатик, заходи, ты не один, тут много ваших. У меня чугуна большой щей наварен, картошка... Хватит и тебе, заходи.

Не узнала меня.

- Мама, это я, сын твой.

Она чуть в обморок не упала, успел ее подхватить. Позднее я написал об этом в моей первой книжке стихов «Вечеря любви».

Мой шестимесячный отпуск остался не востребовавшимся. Война окончилась.

Я награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями «За отвагу», и «Победу над фашистской Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной

войне» и другими наградами.

В августе 1945 года я послал свои работы и заявление о приёме в Московское художественное училище им. М.И. Калинина. Был принят без экзаменов. Но и без койки в общежитии.

Отец сильно болел. Мне не хотелось оставлять его без помощи. Так сорвалась моя мечта о дальнейшей учёбе.

И снова работа в МТС, курсы механиков и работа механиком-контролёром.

Заочно окончил Московский индустриально-педагогический техникум трудовых резервов. В 1954 году получил направление на педагогическую работу во вновь организуемое Великолукское училище механизации сельского хозяйства.

Но желание стать художником я не оставил, поступил на художественно-графический факультет Ленинградского пединститута им. Герцена, успешно его закончил и получил специальность «художник-педагог». В 1962 году был переведен на работу в школу-интернат № 5 преподавателем изобразительного искусства, черчения, трудового обучения. Занимался с детьми чеканкой по металлу, линогравюрой, работал с глиной.

Всю жизнь я трудился, воспитал двух сыновей. Жена работала ассистентом в сельхозинституте.

Всё своё свободное время я посвящаю любимому искусству. Пишу акварели, полотна маслом. В Великих Луках, других городах состоялись мои персональные выставки.

Не забываю и про поэзию. Вышло 7 сборников стихов, многочисленные публикации в коллективных сборниках, альманахах и в литературной периодике. У меня много стихов о войне. Моя поэзия - это малая толика в бескрайнем поле стихов периода войны... и послевоенных раздумий о

ней. Важен итог войны - Победа. О ней я говорю словами из своего стихотворения «Путь».

*«Но Победа оставила вехи
На военном пути наших рот.
Миллионы остались навеки
Под березами у высот».*

Романов Василий Васильевич

За плечами 85 лет сложного жизненного пути: есть о чем вспомнить с радостью, о чем с печалью, есть то, о чем без слез не расскажешь...

Родился я в 1927 году, 24 апреля, в деревне Катешкино, что на реке Малая Смота, Симоновского сельского совета Плоскошского района.

Семья наша была большая, у матери было 9 детей - 5 сыновей и 4 дочки, я самый старший из детей. Жили как все в больших деревнях до войны: работали, держали скотину, растили картошку и прочее на огороде, у деда даже была небольшая пасека из 4-5 ульев. Ребята ходили в школу, что была в деревне Язвы Подберезенские, большая такая школа на берегу речки. У отца, Романова Василия Романовича (1904 г.р.), день рождения был 14 января, так, сколько помню, всегда широко отмечал, родни было много, ребятишек в доме много, и за столом сидели, и песни пели, весело было.

Во время финской войны отец был призван в ряды защитников, но пробыл он там не долго, был отправлен домой, так как много детей осталось ждать кормильца. А вот Великая Отечественная война не обошла нас стороной.

22 июня 1941 года у моего дяди, лейтенанта Красной армии Романова Михаила Романовича (младшего) у нас в деревне была свадьба. Гуляли всей деревней, плясали под

патефон, привезенный им накануне, пока не узнали страшную весть о начале войны. На следующее утро молодая семья уехала в Ленинград, больше вестей от них не было.

С началом войны отец был призван в ряды Красной армии. Призывался 16 июля 1941 года Плоскошским РВК д. Ново-Алексеевка Калининской области в стрелковый корпус 246-й дивизии 886-го отдельного стрелкового батальона. Вместе с отцом все боеспособные мужики из деревень в один миг были призваны на фронт, среди них были и мои дядья по отцу: братья Николай и Михаил Романовы (старший).

Мы знали, что началась война, но полное осознание происходящего с нашей родиной, с людьми, детьми пришло позже.

Однажды с соседским дедом Андреем и другими, такими как я, ребятами из деревни, поехали на лошади косить траву, а по Ловати, по другую ее сторону горят деревни. Дед Андрей знал, что происходит, он плакал, а мы, молча, смотрели непонимающими глазами, а он то - знал...

Война подошла вплотную к нам, беззаботным ребятишкам, нашим домам, полям и лесам, рекам и озерам, к нашей малой и большой Родине.

В то время мне было 14 лет.

Вражеские войска наступали быстро, постоянных немецких войск в деревне не было, изредка наведывались патрули. Однажды появился немецкий патрульный отряд, обшарили все дворы, население не тронули. У нас забрали провиант: сухари, лук, картошку, круги бараньего сала. Не знаю почему, но не взяли муравку с медом. Часто заходили наши партизаны. Деревенские жители встречали их радушно, с замиранием сердца слушали скупые новости с фронта, делились имевшимся продовольствием, одеждой.

Январское наступление наших войск 1942 года, при котором были освобождены города Пено, Андреаполь, Торопец и многие другие населенные пункты нашей области, было остановлено в конце января немецкими войсками вблизи нашей деревни. Наша деревня и другие деревни того куста (Серка, Щелоки, Опоки и т.д.) были между двух фронтов: по один берег реки Ловати стояли немцы, по другой - наши войска.

В 1942 году, на второй день Крещения, 20 января пришли в хату военные в маскхалатах, спрашивают: «Немцы есть в деревне?» Мать ответила, что в нашей деревне немцев нет, они в соседних, а наутро наши солдаты, среди которых были парнишки на 4-5 лет старше меня, под руководством тоже совсем молодых командиров, пошли в наступление.

Мне и еще нескольким из деревни было поручено перевозить на подводах бойцов на передовую... Зима была лютая, наши мамки и бабки отдавали бойцам теплую одежду, валенки, продовольствие.

Были солдаты даже без винтовок, да и что с винтовки, если в тебя строчат фашистские пулеметы с другого берега Ловати.

У деревни Опоки завязался бой. На том краю немцы, на этом краю деревни наши бойцы, мы на лошадях. Из здания школы с берега строчили пулеметы, я отдал лошадь солдату, а сам по льду реки Ловать бежал от обстрела. Спрятался в берегу среди камней, а тут начали рваться снаряды. Меня и солдата взрывной волной откинуло в сугроб. Да тут еще и соседка Ленка, девчонка моих лет, тоже на подводах правила, так мы с ней все побросали и по дороге на Красный Бор (Локня – Холм) бежали, а навстречу наши, русские, родные, и много так идут, идут солдаты.

Домой прибежали, мамка плачет, лошадей нет, а дед-сосед причитает: "Слава Богу, что сами-то живы".

Оставшиеся в деревнях трудоспособные старики, мальчишки-сорванцы 10-15 лет, под началом председателя сельсовета Симоненко, копали окопы, делали противотанковые рвы. Фронт стоял по линии Новосokolьники – Ловать - Холм.

А однажды, дружок мой, Егор забыл лопату во рву, пошел за ней и был ранен шальной немецкой пулей в ногу. Но домой вернулся, а когда с матерью поехал в ближайший фельдшерский пункт, то они подорвались на минах на дороге.

Еще помню, окапывали берега Смоты покруче, чтобы танки не прошли, но танков и не было. После боев деревня Кулевка была разбита бомбами. В Кочуте был разбомблен мост. Наши солдаты с местными жителями срубили «быки» (сваи-опоры), и мы вместе с ними пытались построить мост: таскали на тачках и носилках песок, вбивали эти «быки». Но весной лед пошел и своей несокрушимой силой сбил наше, наспех построенное, сооружение. Народ стал ходить вброд, что правее моста. После войны на том месте был построен мост на тросах, подвесной. Мой дед Роман настраивал семью, что нужно уходить из деревни, пока еще все живы. Кроме коровенки, которая скиталась и мыкалась вместе с нами всю войну, хозяйства уже не было. В конце лета 42-го немецкие войска снова начали наступать. По осени мы убрали остатки урожая, сели обедать и тут начали строчить пулеметы, огонь охватил край деревни, мы поняли, что немцы добрались и до нас. В спешке, ухватив уцелевшую корову и скудный скарб, мы бежали лесом из деревни в направлении райцентра Плоскошь. Наша деревня Катешкино сгорела дотла. Позже она будет названа Ново-Алексеевка. А сейчас и от Ново-Алексеевки осталось только воспоминание.

Мы бежали, ища приют и кров, остановились в деревне Грязино, что ближе к деревням Бончарово, Красноселье.

Жили плохо, скорее выживали, если бы не кормилица - буренка, может и не выжили бы.

Мать Василиса с другими женщинами ходила в Плоскошь за хлебом. На нашу большую семью (11 человек) выдавали 1,5 буханки на день, мало, но где было взять больше, ведь кругом война. Но все выжили...

Подразделение, в котором служил отец, дислоцировалось на другой участок фронта, как оказалось позже, под Холм. В деревне Бончарово среди идущих солдат отца узнала односельчанка, она то и сказала ему, что семья жива и находится как раз по пути их следования. Мы плакали от счастья, увидев отца живым, когда он забежал повидаться с нами, а отданный им сухой паек в виде банки консервы и куска сахара был для ребятишек дорогим гостинцем.

Живя в новом месте, мы продолжали работать в существовавшем колхозе: готовили лес, возили песок на уцелевших лошадях.

В январе 43-го Великие Луки были освобождены. От Великих Лук до Локни деревни сгорели вместе с людьми. Бои были страшные, разбитые танки, обгорелые люди, лошади лежали прямо на дорогах и улицах. Убирать трупы было некому, смрад, зловонный запах гари и смерти витал в воздухе. Кругом стояли противотанковые ежи, ревели зенитки, прожекторы разрывали темноту. Вскоре после освобождения города Великие Луки наш отряд из подростков был отправлен на восстановительные работы освобожденных территорий. Мы разбирали завалы, хоронили наших и немецких солдат.

Все это я видел своими глазами, было очень страшно...

Тем временем жизнь становилась всё хуже и хуже, голод одолевал. Со слов заезжего мужика мы узнали, что под Торопцем в деревне Подгороднее работает совхоз. В 43-м мы пешком всей семьёй с коровой дошли до Подгороднего. Директор совхоза Нечаев, до войны он работал здесь

агрономом, не хотел брать нашу семью в совхоз, так как семья большая, а рабочих рук было мало: мать, я и сестра Шура. Но потом пожалел семью солдата и принял нас. Поселились мы в маленькой комнате в бараке. В совхозе работала столовая, школа, детский сад, располагавшийся в барском доме, который стоит и сейчас. Все дети после школы трудились на прополке на совхозных полях и выполняли другие посильные работы. Бесплатно кормили рабочих и детей в столовой, выдавали по 500 г хлеба на рабочего, 300 г на иждивенца.

Отец из писем знал, что мы переселились жить в Подгороднее. Вскоре за боевые заслуги он был поощрен краткосрочным отпуском и приехал к нам, привез фронтовых гостинцев.

Война продолжалась, бои под Холмом были не на жизнь, а на смерть.

Позже, в том же 43-м году я ходил пешком в деревню Языковщина, что на границе Калининской (Тверской) и Новгородской областей, повидать отца.

Пришел я в Языковщину, там жили дядя Никита и тетя Дуня Ореховы (родня по матери отца), переночевал у них. Наутро дядя Никита провел меня в направлении подразделения, где служил отец, в районе деревень Подмолодые и Новодворье Холмского района.

Мне уже шел 17-й год, но ужас увиденного помню всю жизнь. Боев в то время не было, неслышно было и выстрелов, лишь вдали над полями кружили вороны и от этих воронов аж черно в небе. Это они над убитыми кружат.

Когда я подошел к расположению части, часовой с винтовкой остановил меня, спросил кто, да что и отправил в избу дожидаться отца с задания. Я улегся отдохнуть на отцовскую кровать, которая представляла собой настеленные доски с накиданной сверху соломой.

Ночью отец вернулся с задания, мы рады были увидеть друг друга. Я просился добровольцем на фронт, но командир батальона твердо ответил: «Война еще не окончена, не спеши и тебе придется повоевать». А отцу добавил: «Мы идем в прорыв под Холм, и мало кто из нас останется в живых».

Отец был отпущен на день, чтобы проводить меня. Мы пришли в деревню Языковщину, переночевали у дяди, а наутро простились с отцом на мосту, что через речку Малый Тудер. В тот момент я видел отца в последний раз в своей жизни.

Он прошел немало еще дорог и воевал, освобождая родные деревни от фашистских захватчиков. Писал нечастые и скупые на слова письма без обратного адреса. Погиб 4 июля 1944 года, похоронен в д. Коншено Невельского района Калининской (ныне Псковской) области в братской могиле, где захоронены около тысячи солдат Красной Армии, мужественно сражавшихся за свою родину. Удостоен посмертно ордена Отечественной войны.

В ноябре 1944 года я был призван последним военным призывом в ряды Красной Армии. Служил в Гороховецком лагере Горьковской области, станция Зорино, учили на артиллериста. В боевых действиях не участвовал, восстанавливал освобожденные города.

Помню, направили нас в Москву на пакгауз, затем на французскую набережную, в парк культуры им. Горького.

Жили в палатках-временках, так и служили за Кремлевской стеной.

Убирали город, строили из бруса двухэтажные дома. Рядом был немецкий лагерь, немецкие пленные тоже строили дома.

Когда немцы были отпущены в Германию (1947 год), мы жили в немецких бараках.

Я на стройке сломал ногу, долго лежал в госпитале, так до сих пор хромаю, не расстаюсь с костылем.

Об окончании войны узнал так: я ночью спал в казарме, вдруг ко мне подошел лейтенант Ющенко (хохол-украинец), дергает за ноги и говорит шепотом:

- Говори, слава Богу!

Я сонный говорю:

- Слава Богу!

А он мне: – Война закончилась!

Погодя, начальство со штаба приехало, зачитали нам приказ об окончании войны. Солдаты кричали «Ура!» так, что с потолка нашего укрытия посыпался песок, как было громко.

Утром нам был выдан двойной поек – праздничный – плов с мясом.

В другое-то время кормили плохо, нечем было, мелкой картошкой (не чищенной) с маргарином (на солидол похож был). По окончании войны часть солдат были направлены в Германию на замену фронтовиков, а часть на подсобное хозяйство.

После армии вернулся в совхоз «Подгороднее», работал кузнецом и газосварщиком, обслуживал весь транспортный парк в течение 30-ти лет. Вместе со мной в совхозе работали познавшие голодное лихолетье войны мои сестры и братья (Виктор, Анатолий, Владимир), ставшие передовыми хлеборобами района в 70-80-х гг. За высокие трудовые показатели они были награждены орденами и медалями.

В 1951 году женился на девушке по имени Ольга, моя Ольга...

Романова Ольга Васильевна (Васильева)

Родилась я близь города Опочка, деревня Лиственка Псковской области, в 1923 году в январе, шестая по счету из 8-ми детей. До 1931 года жили в Лиственке.

Во время коллективизации папу забрали как врага народа (в чем был враг, не знаю), а маму с детьми посадили в вагон и отправили на Синяевскую торфоразработку. Но так как в семье было мало рабочей силы, отправили семью под Ленинград на лесоповал. Жили в каких-то бараках, кто хоть как-то в семье мог работать – работал.

Когда отца отпустили, мы вернулись в Лиственку, но жить там нельзя было, нас постоянно угнетали, старших вызывали на допросы. Наша семья снова переехала, теперь уже в Великие Луки, где прожили 3 года. Мать, старшие братья и сестры работали в Заготзерне. Отца, а затем и брата неоднократно забирали на допросы.

В 1937 году отца снова забрали и уже сослали в лагерь о. Соловки. Семья же бежала в Подгороднее. Было трудно, старшую сестру и брата вызывали на допросы, не доплачивали за трудодни, но выбора у нас не было. Брат бросил работу в совхозе и уехал в Ленинград.

В 1939 году я окончила 8 классов и поехала поступать в фельдшерско-акушерский техникум в Мелитополе.

6 октября 1941 года немцы уже заняли город. Взяли в плен всех жителей Мелитополя, сформировали в эшелон вместе с ранеными немецкими солдатами (чтобы по поезду не бомбили наши войска), привезли на станцию Брест-Литовский¹. Первым делом нас всех раздели и повели в баню, вымыли, выдали спецодежду и выстроили на площадь. Тут приехали немецкие бюргеры, и хозяева стали выбирать работников. Меня выбрала женщина – хозяйка, посадили на трактор и повезли в деревню.

Деревня была большая: магазин, школа, церковь, кладбище.

Немецкая семья была из 7-ми человек: хозяйка, 4 сына и дочка. В хозяйстве было 10 коров, 35 свиней, 2 лошади, трактор, косилка, молотилка, семья по немецким меркам считалась среднего уровня жизни.

Здесь, на немецкой земле, мы увидели жизнь капиталистов своими глазами (в школе-то нам не так преподавали про капиталистов).

У каждого члена семьи была своя комната в доме, велосипед, в каждом доме было что-то вроде телевизора, не знаю точно, что это был за прибор, швейная машинка.

Сами немцы тоже работали, да еще должны были платить каждому работнику по 15 марок в месяц. Я не брала денег, но хозяйка за это покупала мне кой-какую одежду и обувь. Эти деревенские бюргеры не очень жаловали солдат и полицаев, даже боялись их. Вообще-то хозяева не обижали, а вот если приходили полицаи, те били.

Помню, пришел один высоченный, здоровый такой полицай, смотрит на меня и спрашивает: «Ты почему не носишь, свинья такая, сякая, нашивку «Ost» на груди?» и как стебанул он меня, что даже в ушах зазвенело. Но я устояла и смотрю на него. А он: «Ты еще смотришь?» и второй раз меня ударил, я устояла, но думаю, больше смотреть не буду, иначе убьет.

Другой раз, помню, били за то, что из хозяйского урожая дала зерна пленным русским солдатам.

Меня били редко, а вот другим доставалось больше, в городе жили гораздо хуже. Тяжелее приходилось. Мы, конечно, работали много - с рассвета и допоздна, но было поспокойнее.

До битвы под Сталинградом обращались не очень хорошо, после – стали помягче.

А однажды, смотрю, хозяйка умывается утром мылом, а мыло-то наше, русское, буквы на нем наши написаны. Я не сдержалась и сказала ей на своём ломаном немецком: «Lisa, ist seine russische мыло gut?». Ну и за это, конечно, получила тумачков. А когда начали наступать наши войска, в деревнях немцы ставили противотанковые надолбы, а танков и не было, наши зашли с другой стороны и без танков. Так немцы

в один миг собрались и ушли в леса, я даже не поняла, куда они так быстро ушли.

Но нам (бывшим пленным работникам) и от своих досталось. Солдаты погнали нас на отработку вины, что работали на немцев. На территории Германии мы разрывали могилы наших солдат и делали перезахоронения. После мы были отправлены в Ставрополь на разгрузку вагонов и очистку дорог и городов.

Позже, в середине осени, нас отпустили по домам. Я вернулась в Подгороднее, но и здесь меня вызывали в особый отдел на допросы, сомневались, проверяли. Спустя много лет мне из Киева пришла бумага, что я не враг народа и была угнана в Германию насильно. Даже небольшую денежную компенсацию присылало германское правительство несколько раз.

После войны работала на швейной фабрике, позже до пенсии поваром в доме инвалидов в деревне Цветки.

В 1951 году вышла замуж за Василия. Родила четверых детей, две дочки и два сына.

На сегодня мы уже 60 лет вместе. Вырастили детей, есть 6 внуков и 5 правнуков.

Кондратьева Таисия Григорьевна

Родилась я в 1927 году в деревне Пальцево. Деревня была большая. Детей в нашей семье было двое, я и младший брат. Родители мои: отец Григорий и мама Татьяна жили в единоличестве, в колхоз не вступали. Хозяйство было большое: лошади, коровы, овцы, свиньи, куры и другая птица. Мы с братом помогали родителям по хозяйству. Пасли коров, хоть их и путали как коней, всё равно за ними нужен был присмотр. Работали мы на сенокосе, ухаживали за птицей, рвали траву на корм свиньям, пололи огород. Дел

было много, играть было некогда, да и игрушек не было - самодельные куклы из тряпок.

В школу я ходила в деревню Семенцево, окончила 4 класса. Перед самой войной отец купил в деревне Семенцево дом, и мы переехали туда жить. Тут был организован колхоз «Победа», и я пошла работать в льноводческую бригаду. Была звеньевой. Мама моя заболела и ослепла, поэтому забота о домашнем хозяйстве легла на мои плечи. Правда хозяйство наше уменьшилось. У нас осталась одна корова, овцы, свиньи, куры. Но я не боялась трудностей, тогда все много работали. Мы не голодали, а лишнее продавали. Нужны были деньги. Заготовливали много ягод, грибов. Встанешь рано утром, до коров сбегаете в лес, наберёшь грибов, ягод; что на зиму посолишь, посушишь, что сразу съешь. Вот так и жили.

Немцы в нашей деревне были проездом на мотоциклах. Отбирали продукты, резали кур и опаливали их книгами брата. Так за время оккупации они приезжали несколько раз.

В 1942 году меня и других девок и мальцев забрали в ФЗО на Урал. Жили в общежитии, условия были плохие, даже спали по двое на одной кровати. Я спала с Лизой Лапшиной. Кормили в столовой плохо, поэтому мы воровали картошку на полях и варили её в железных банках в круглой печке.

Убегала я оттуда несколько раз, но всегда ловили и возвращали. Последний раз убежали с Лизой, где шли пешком, где ехали на подножках вагонов. Ели что попало: и ягоды, и картошку, капусту с неубранных полей. Так добрались до Торопца. Тут у меня жил крёстный и я сначала пошла к нему, а Лиза пошла домой в Семенцево. Пришла я к крёстному вся во вшах: и голова, и одежда. Вот меня переодели и стали кормить понемногу, после голода много есть нельзя, умрёшь. Поокрепла я и вернулась домой.

Снова пошла работать в колхоз. В колхозе денег не платили, начисляли трудодни. На трудодни в конце года

давали мёд, зерно, льняное масло. Жили мы очень плохо и голодали, и нечего было одеть. Старую бабушкину юбку перешила себе на платье, вот и обнова. Чтобы заплатить налоги государству, нужны были деньги, вот мы и носили пешком на станцию Назимово, что в 20 километрах от нашей деревни, к поезду на коромысле ягоды, грибы, молоко, огороднее. На поезде ехали в город Великие Луки на базар, чтобы всё это там продать и вырученными деньгами заплатить налоги. Иногда покупали торговый хлеб, крупу и везли домой.

В 1950 году вышла замуж за Кондратьева Владимира. Он пять лет был в ФЗО в Свердловске, а когда вернулся домой, то 15 лет проработал в колхозе. Потом перешёл работать в лесничество. Я работала колхозе, потом дояркой на молочно-товарной ферме деревни Семенцево в совхозе «Кудрявцевский». Там я проработала до самой пенсии.

Мы с мужем вырастили двоих детей: сына Александра и дочь Галину. Дети получили образование и сейчас живут в Санкт-Петербурге.

Горшкова Галина Михайловна

Корни нашей семьи в деревнях Самсоново и Малинкино. Мать Александра Фёдоровна была родом из деревни Самсоново, а вышла замуж за Малинова Михаила Борисовича в деревню Малинкино. Познакомились они в праздник Святой Троицы на мосту через реку Кунья.

Семья моего отца была большая, в ней было 6 детей, но почти все - взрослые.

Его младшие сестры уже ходили в школу. Держали они большое хозяйство, было много земли. Иногда привлекали односельчан к полевым работам. За это деда раскулачили, отобрали всё. Пришли дети из школы, а им даже не во что было переодеться.

Отец мой сразу уехал в Реутово в офицерскую школу. У них уже было два сына и пока отец учился, они жили в Малинкино. Братья переболели полиомиелитом и стали инвалидами. После окончания офицерской школы, отец в чине младшего лейтенанта был направлен на службу в Лодейное поле, туда с детьми переехала мать. В 1935 году родилась я, а через четыре года сестра Рита. Отец принимал участие в Финской войне, был ранен и в декабре 1940 года умер в госпитале. Мать осталась с четырьмя детьми в селе Александровке, это была бывшая финская территория. Когда началась Великая Отечественная война, деревню бомбили, а финны очень зверствовали, убивали мирное население. Нашу семью и многие другие семьи эвакуировали. Эшелоном везли нас в Башкирию в Красноуфимск, ехали мы целый месяц. Железные дороги были забиты составами, наш поезд часто загоняли в тупик, пропуская военные эшелоны.

В дороге состав часто бомбили, и мама нас четверых закрывала своим телом. Чем мы питались в дороге, я не помню, помню только, что на станциях давали кипяток. И однажды мама побежала за кипятком, а в это время началась бомбёжка и наш поезд ушёл, она отстала от нас. Каким-то чудом на других поездах мама догнала наш поезд и нашла нас. Запасов еды у нас не было. Мама получала на нас мизерную пенсию, так как отца во время Финской войны разжаловали в рядовые как сына врага народа. Привезли нас на место назначения осенью, и сразу эвакуированных начали разбирать по колхозам на уборку урожая.

Теперь я не помню, в какой деревне мы жили, помню только их названия. Две деревни Зарана и Зауфа стояли друг против друга через речку. Мама работала в колхозе, домой в сапогах приносила то горох, то пшеницу. Это мы и ели. Утром она на саночках отвозила старших братьев в школу, а мы с сестрой Ритой оставались дома. Рите было тогда два года, а мне шесть.

В 1943 году город Великие Луки освободили от фашистских захватчиков, и мама уехала из Башкирии к бабушке в деревню Самсоново. Со станции Назимово нас, детей, привезли на саночках. Мама стала работать в колхозе сторожем. Ей дали 15 соток неухоженной земли. В это время умерла её сестра и у нас стал жить её сын.

В первый класс я пошла учиться в начальную Филипцевскую школу. После окончания 4-х классов один год сидела дома, так как учиться было негде. Потом в деревне Ваши, что в 7-8 километрах от нашего дома, открыли школу, и я стала учиться там. В пятом классе у нас было более 30 учеников. Я каждый день ходила в школу и обратно. Интерната не было, а платить за квартиру было нечем. Мы жили очень трудно, основной едой была картошка. Хотя и была у нас корова, но она была на две семьи. Бабушка до возвращения мамы жила в семье сына, а потом перешла к маме. И при разделе имущества корова осталась на две семьи и суд присудил бабушке доить корову на четвёртый день. Это молоко мама собирала, делала сметану и возила продавать в город Торопец, чтобы выручить деньги на уплату налогов. Света дома не было, не на что было купить керосин для лампы, поэтому домашнее задание я делала в школе, пока светло. Училась я хорошо, хотя это было нелегко, учебников, тетрадей не было, в школе писали на доске. Учебник давали один на деревню, а то и на несколько деревень, поэтому занимались мы по очереди. Бабушка ночью варила картошку с двумя-тремя зубчиками чеснока,

толкла её. Я завтракала и шла в школу. Вечером ужинали той же картошкой, только уже жарили её на чугунке. Нарезали ломтиками и клали на чугунку. Я была вечно голодная. Иногда, когда на полях созревали горох, ячмень, идя со школы собирала и ела его.

Круглый год я ходила в резиновых калошах или лаптях с простыми носками. С 10 лет меня отдали пасти колхозных телят с апреля по ноябрь, поэтому я одну четверть в школе пропускала. Потом, как подросла, я работала на быках, окучивала картошку. В Ваших окончила 7 классов, затем пошла учиться в школу в Скворцово. Там мама устроила меня на квартиру, платили за неё картошкой. Из еды опять была картошка и огурцы, хлеба не было. Домой ходила пешком по 25 километров, шла лесом, чтобы не было так страшно, читала вслух стихи Пушкина, Некрасова и других поэтов. В школе не было дров, чтобы топить печки нас, учеников, отправляли в лес заготавливать дрова. В 10-й класс я пошла учиться в деревню Назимово, так как там открыли интернат.

После окончания 10 классов, тетка взяла меня в Москву. Я поступила в МГУ. Окончила филологический факультет, романо-германское отделение. Вышла замуж, родила ребёнка и стала работать заведующей детским садом.

Моя мама, как бы ни было трудно, выучила нас всех. Братьев инвалидов на саночках возила в школу в деревню Баранец за 12 километров. Старший брат, у него не работали руки и ноги, окончил Великолукский педагогический институт с отличием.

В 1995 году я купила дом в деревне Лахны и переехала жить на Родину. Сразу завела хозяйство: две коровы, коз, кур, гусей. Стала сажать огород. Тржусь и по сей день, без дела не сижу. У меня 2 гектара земли. Сажаю картошку, разные овощи. Огород вскапываю сама. Для коз, которых я ещё

держу, заготовливаю сено. Труд на земле мне приносит радость.

Кудряшова Нина Матвеевна

Вся моя жизнь прошла в сельской местности. Родилась я в деревне Вязы Лужницкого сельского сельсовета Великолукской области в 1939 году.

Мама, Семёнова Матрёна Петровна, родилась в 1911 году. Она была малограмотная, окончила всего лишь один класс школы. Отец мой, Семёнов Матвей Семёнович, родился в 1912 году, он был грамотный. У моего деда Семёна было 8 детей, и все учились, были грамотные. Мои родители работали в колхозе, отец пахал землю, а я с тёткой Таней (1927 года рождения) носили ему суп на обед. В супе сверху плавал зеленый лук. Пахал отец на двух лошадях. Мама тоже работала в поле: и косила траву, и жала рожь, тягала лён, работала на лошадях. В семье было двое детей: я и сестра Вера 1940 года рождения. Сестра умерла маленькая. Мы с ней зимой насосались сосуллек, пока мама была на работе. У неё случилось воспаление лёгких и она умерла.

Моего папу и дядьёв сразу забрали на войну.

Когда пришли немцы в нашу деревню, все были в поле на сенокосе. Мы с бабушкой были дома. Пришли они со стороны деревни Носово и пешком, и на мотоциклах. Немцев было очень много. Они были высокие, худощавые. Соседские девочки прибежали в поле и сообщили всем о беде. В нашей избе поселились немцы, а мы жили у деда с

бабушкой. Всех наших кур, штук 15, они съели и нам дали за это 2 алюминиевые монеты. Немцы в деревне резали свиней, коров. Чтобы сохранить свой скот, деревенские свиней и коров мазали навозом. Немцы плевались. Мой дед успел зарезать поросёнка, мясо спрятали. А чтобы не забрали колхозных лошадей, дед бинтовал им ноги, как будто они больные. В нашей избе немцы стали топить печку, а трубу не открыли, дым весь пошел в дом, и немцы ушли жить в клуб. У нас забрали всю посуду, да и не только у нас, а и у соседей тоже. Скоро прошёл слух, что будут забирать детей в Германию, и мамка с нами пряталась в крюче в Лухмане. А тётя Таня носила нам туда еду. В крюче мы сидели трое суток, а потом наши солдаты вытурили немцев. Вот так мы спаслись.

В 1943 году недалеко от Пскова, всего в 2 километрах, погиб мой отец. Вернувшийся с войны солдат из деревни Бронь, рассказал, что захоронил его в одной могиле вместе с солдатом из деревни Лучки, накрыл их шинелью. Могила находилась метров 200 от железной дороги. Мы получили из армии пустое письмо, однополчане отца посылали нам его медаль и фотографию. На письме была пометка «Проверено военной цензурой». Погибли на войне и два его брата.

Тяжёлой была жизнь в военные годы, трудно приходилось всем. Я была маленькая, и мамка под ноги мне подкладывала дровяную плашку, чтобы я доставала до ручки пилы и тягала её. Вот так мы пилили дрова. Как и большинство людей в то время, мы голодали. Но у нас хоть была картошка, из которой мама много делала разной еды: котлеты, блины.

После войны я, как и другие дети, работала в колхозе. По двое детей (а мне было 6 лет) пасли свиней, телят. Ходили на заготовку сена. Траву разбивали, ворошили по 12 гектар. Нами руководила старушка Иванова Мария Андреевна. Грабли давали колхозные, суклявые. Рукам было очень

больно. Мамка мои грабли обработала, чтобы меньше сучков было, и подписала их. На быках, на двухколёсных тележках мы возили навоз в деревню Филипенки. А моя тётя Таня там пахала на 2 лошадях. Она очень хорошо работала и была ударницей.

В школу я ходила в деревню Старинка, там окончила 5 классов. В первом классе учила нас учительница Анна Алексеевна Никифорова, она жила в Старинке. В старших классах учили Медведева Елена Фоминична, Лялецкий Иван Ильич и другие учителя. Бывало приду из школы, мамка берёт меня в лес заготовливать дрова. Она рубит, а я на быках вожу. Тут не до учёбы. Училась я плохо, особенно по математике, и мамка отправила меня косить с мужиками. Бригадир ругался на меня, чтобы я не косила широкие прокосы. Много приходилось работать и в колхозе, и дома. Ведь мы с мамой были вдвоём, а хозяйство держали: и корову, и овец, и свиней, и кур. Дома работали больше по ночам: то косим, то молотим. В клуб мне и не хотелось, девчонки зайдут, а мне всё некогда. А если не работать, то как жить? На меня платили пенсию по потере кормильца - 40 рублей.

Работали мы в колхозе им. Свердлова, что был в Вязах. Перед войной весь скот колхозный угнали в Красный Холм, ну а потом опять завели. Каких только работ в колхозе не работали: и солому метали, сено косили, лён тягали и трепали, жали рожь, землю копали вручную, лопатами. Одежда была плохая, так пальцы, коленки - всё обморожено. Зато кто хорошо работал, на трудодни давали горох, гречку, рожь, льняное семя. Из льняного семени мы давили масло. Позже за трудодень стали платить по 20 копеек, мы с мамой зарабатывали за день по три рубля. Дома у нас был огород и мы выращивали овощи, а лишнее продавали. Мама квасила капусту и возила в Павлово на лесоучасток за 20 километров продавать. Покупали хорошо, платили

деньгами. Из шерсти овец вязали носки на продажу. В Ленинграде у нас жили родственники, мы и туда посылали шерстяные вещи на продажу. У нас появились деньги. В избе у нас была керосиновая лампа и к нам молодёжь ходила на посиделки. Девчонок мама учила вязать на спицах, крючком, вышивать.

Когда организовали совхоз «Лужницкий», я работала телятницей, потом до пенсии дояркой. После выхода на пенсию без дела не сидела: в Старинской школе топила печки, работала почтальоном, до 80 лет работала социальным работником. Ухаживала за тремя женщинами из нашей деревни. И сейчас держу кур, есть собака.

В 1968 году вышла замуж за электрика Кудряшова Юрия Тимофеевича. В 1969 году родился сын Вадик. С мужем прожили 15 лет, потом разошлись. Сына воспитывала одна. У сына хорошая семья, меня не забывают, навещают, часто звонят.

Алексеева Зинаида Александровна

Война – страшное слово... Много лет прошло, как она закончилась, а в памяти нет, нет да и оживут все перенесённые тяготы. Сколько унесла она жизнью, а ещё больше искалечила. У нас, детей той страшной войны, не было детства. Юность и вся судьба жизни сложилась бы иначе.

Родилась я в д. Медведево в 1932 году. До войны успела закончить 2 класса, училась хорошо. Жили мы скромно. Когда умер отец в 1939 году, старшая сестра училась в Калининe, брату было 14 лет. Все заботы о семье легли на маму.

Война для меня началась с того, что где-то налетел немецкий самолёт, летел близко и стрелял. Это было так неожиданно, все растерялись... Потом старики запрягли

лошадей, всех детей отвезли на «низье» (так назывались места, где были покосы рядом с лесом). В 2-х км от деревни был приготовлен шалаш. Потом, когда начались бои и бомбёжки, вырыли укрытия типа блиндажей.

Немцы заняли деревню. Почти все жители перебрались в лес. На лугах бродила скотина. Рёв коров привлёк внимание немцев и они стали приходить доить их в наше укрытие. Не помню, но по чьей-то инициативе все решили уехать туда, где ещё нет немцев. Ночью погрузили детей, больных и выехали в сторону деревни Сельково. Когда доехали до д. Мяшлево, обратили внимание на чёрный дым. Все стали плакать: «Точно горит наша деревня» и это действительно было так. 15 деревенских домов подожгли немцы. Видели, как они бегали от дома к дому с горящей соломой... Мы добрались до деревни Понизовье, там разместились по домам. В каждой избе селились по несколько семей. Мы жили у тёти Лёли, спали на соломе на полу.

Вскоре нас опять догнали немцы. Очень много солдат, машин, техники шли в сторону Холма. В Понизовье немцы задержались недолго.

Все наши деревенские скоро вернулись домой. На месте нашего дома одни головешки. Остались в том, в чём стояли. Нас приютила родственница, что жила на другом конце деревни.

Вспоминать страшно, какие трудности пришлось перенести!.. Тот год был особенно холодным, страшные морозы свыше 40 градусов. Одежды никакой, замучили вши, которые будто из тела росли. Все свои лохмотья выжаривали в бане, на каменке, а на завтра в них опять было полно вшей.

Первый год войны не голодали – был хороший урожай картофеля, ржи, была кормилица- корова.

Вокруг шли бои, постоянно слышались взрывы. Пролетали немецкие самолёты, бросали листовки на русском языке, где

заверяли, что Москва будет немецкой, Гитлер – «гут», а Сталину – «капут».

В деревне оставались старики. Женщины и дети часто собирались на ночь в одну избу по несколько семей. Люди боялись. Мама договорилась и перевезла на наше пепелище колхозную баню из Волока. Мы с моим братом стали сооружать наше жильё. Нанимали выходцев из окружения, а таких было немало. Это были здоровые мужики, которые оказались в окружении и к партизанам не спешили идти. Партизанский отряд был в Краснопольце и переходить линию фронта им не хотелось. Они согласны были работать, лишь бы их кормили.

Когда освободили наш район, все радовались и надеялись, что скоро войне конец. Но бои продолжались, военных в деревне прибывало всё больше. В доме Кораблёвых был госпиталь, а у Егоровой в избе была операционная. В каждый дом заселяли по 40 человек солдат.

Очень был страшен голод. Мы с ребятами промышляли в лесу, как только появлялись проталины на снегу. Мы искали сморчки, потом грибы, ягоды. Раньше варенье не варили, ягоды ели с молоком или отдавали солдатам, а они давали нам взамен хлеба. На своём огороде сеяли рожь, ячмень, сажали картошку. Наша задача была поливать, полоть, по очереди пасти коров, ведь мама работала в колхозе от зари до зари. А когда всё приели и весной нечего было сеять, женщины ходили в Латвию. Была там и мама; помню, как она принесла килограммов 10 гороха и столько же ржи. Очень бедствовали без соли. У кого были бочки из-под мяса, раскалывали и бросали в суп. Когда в деревне были солдаты, они выручали нас: то овса отсыпят, то каких продуктов дадут. Мама из овса гнала самогонку и выменивала на соль.

Часто население привлекалось на расчистку дорог от снега по направлению на Холм. Помню такой случай: смотрю в

окно и вижу, как мама возвращается с работы и улыбается, увидев меня. Я удивилась – мама всегда была скучной и задумчивой. Когда она вошла в дом, из-за пазухи вытянула какой-то свёрток, развернула, а там шпик, кусок килограмма на два. Когда разгребали снег, они с нашей соседкой увидели что-то завёрнутое в толстую бумагу, спрятали, а когда закончили работу, развернули найденное и очень обрадовались, поделив находку пополам. На этом сале мы долго продержались!..

В колхозе всех подростков после уборки ржи отправляли на сбор колосков, затем на копку картошки. Одолевал голод, становилось всё труднее. Весной искали мёрзлую картошку на полях, пекли из неё «тошнотики». Ближе к лету она становилась несъедобной и не лезла в рот. Выручали щавель, лебеда, мох. Брат спилил липу лучковой пилой, так опилки мешали с лебедой или мякиной и ели.

Когда поспела черника, мы со Смирновым Петром и его сестрой Галей решили пойти за ягодами в деревню Старое. У них там жила родственница. Пошли после обеда, нашли её избу, затопили чугунку, нарвали и наварили щавеля, соль была в коробке с собой, переночевали и с утра пораньше в лес. За день набрали по ведру ягод и пошли домой. Когда дошли, уже смеркалось. Дома не ждали, что я скоро вернусь, поэтому все сидели за столом и кушали. Оказывается, погибла колхозная лошадь, её поделили на всех и варили. Мне этого супа не досталось. А на завтра всех увезли в больницу – брюшной тиф. Дома осталась я одна.

Осенью начались занятия в школе. Где мы только ни учились! Тех помещений уже нет, а наша учительница, Полина Константиновна Акулова, до сих пор живёт в Волоке, ей уже больше 90 лет. После окончания начальной школы учились в средней Плоскошской школе. Ни одеть, ни обувь было нечего. Мы с подружкой написали письмо Сталину с просьбой помочь нам. Вскоре из райкома нам принесли по

синей шинели для лётчиков, а наша деревенская портниха сшила мне пальто. Будучи уже в возрасте, я приезжала в отпуск в Медведево. Обратила внимание на кучу картошки на усадьбе, накрытой чем-то знакомым. Брат, перехватив мой взгляд, спросил: «Что, узнала своё сталинское пальто?» Конечно, я больше чем уверена, что до Сталина наше письмо не дошло, но за шинель очень благодарна. Из обуви ничего не было. Когда холодно - в школу носили лапти, а весной и осенью ходили босиком до Юшинской горы, там переобувались в тряпочные тапки и, отдохнув, шли в школу. Нас очень привлекала Юшинская гора. За мостом, где сейчас лесничество, была пекарня. Вкусный запах хлеба просто дурманил своим ароматом, мы не могли им надыхаться. В школе, на большой перемене, нам на каждого давали стакан подслащённого чая и тоненький ломтик хлеба. Помню, как на уроке математичке Марфе Филимоновне стало плохо и она упала в обморок. Мы очень жалели её и старались принести из дома или картофелинку, или кусочек мякинного хлеба. Она отказывалась брать, но мы упрашивали её и клали свой гостинец на учительский стол.

Я безмерно благодарна своим учителям. Не смотря на голод и болезни, они старались дать нам знания. Нашим классным руководителем была Тарасова (Жукова) Валентина Николаевна, мы очень любили её. Эта хрупкая, стройная, симпатичная девушка, всегда скромно, но со вкусом одетая, с длинной косой. Такой молодой она и осталась в моей памяти. Хотя мы встретились с ней 2 года назад на похоронах её родственника и моего земляка. Мы сразу узнали друг друга. Она уже еле передвигалась на костылях, немощная и больная, прежними оставались её глаза...

Прошрое из жизни нельзя вычеркнуть. А детство остаётся в памяти навсегда. Жизнь в школе была интересной, я

участвовала в художественной самодеятельности. Ещё помню, как показывали фильм «Зоя Космодемьянская». Все плакали, а девочка из нашего класса Зина Андреева даже потеряла сознание.

Об окончании войны узнала в школе. Все радовались, поздравляли друг друга, кричали: «Победа! Победа!». Потом все пошли к райкому партии, где была установлена трибуна и проходил митинг. В этот день в нашей семье была большая радость, вернулся из госпиталя мой брат. Сажали картошку, соседка шла за сохой, а мы, шестеро человек, впряглись вместо лошадей. Прибежал соседский мальчик и сказал: «Ваш сын вернулся». Мы все бросились навстречу Лёше. На фронте он получил ранение в локоть правой руки и писал нам письма из госпиталя левой рукой. В апреле 1945 года ему исполнилось всего 19 лет, ещё совсем мальчишка. Все деревенские окружили его. Вопросов было много. Кто-то спрашивал, не встречал ли он сына, мужа, а я не отходила от брата, понимая, что теперь нам будет полегче, появился мужчина в доме.

Есть одно пожелание внукам, правнукам и праправнукам, чтобы никогда и никому не пришлось пережить ужасы войны. Пусть всегда будет мирное небо и счастливая жизнь!

Веселова Александра Николаевна

Я из поколения детей войны. Родилась в 1937 году. Выпускница Плоскошской средней школы 1955 года. Проживаю в посёлке Плоскошь, нахожусь на заслуженном отдыхе.

Когда началась война, мне было четыре года. Помню, как провожали отца на сборный пункт в п. Плоскошь. Было очень

много народа, все плакали, кричали, некоторые женщины теряли сознание.

В то время мы жили на хуторе Заборское, в трёх километрах от деревни Юшино, на трассе Торопец – Холм.

По дороге в Холм шли немецкие машины, мотоциклы, от которых стоял шум, грохот, поднималась пыль. Взрослые и дети не выходили на улицу. Мои родные: мама, бабушка, дед забрали нас, троих детей, и ушли в лес. С собою взяли корову и мешок сухарей, который засушили заранее. Мы жили в землянке, которую построил дедушка. Однажды он пошёл на хутор посмотреть наш дом. Там его встретили немцы, они говорили на ломаном русском языке и закричали: «Партизан, партизан!». Долго его допрашивали, не хотели отпускать. Дедушка со слезами на глазах объяснил, что в лесу маленькие внуки, они боятся одни. Немец приказал возвращаться домой, заверив, что нас никто не тронет. Дедушка дал обещание, что вернётся со своей семьёй, и его отпустили. Но домой мы не вернулись. Через несколько дней дедушка взял свою собаку и пошёл в дом, чтобы забрать кой-какие вещи, - от дома остался один пепел. В наш дом попал снаряд, и всё имущество сгорело: у нас не было ни одежды, ни обуви. Всё лето мы жили в землянке, а осенью переселились в заброшенный дом на хуторе Макушени недалеко от деревни Изори. В этом доме кроме нас жили две семьи, эвакуированные из Ленинграда и Холма.

Возле деревни Изори находился аэродром для советских истребителей. Однажды ночью мы наблюдали такую картину: два огромных луча света освещали небо. Это прожектор вёл наблюдение за немецким самолётом. Немцам не удалось обнаружить наш аэродром.

Мы жили под постоянным страхом, так как кругом рвались снаряды, карательные немецкие отряды часто врываются в дом, искали партизан. А самое страшное – это постоянное чувство голода. Чем мы тогда питались? Страшно

вспомнить! Собирали мороженую картошку, ели её и были счастливы. Благодаря нашей корове мы живы, она нас кормила и поила.

Война лишила нас детства. После её окончания мы ещё долго испытывали нужду. В школу ходили в рваных сапогах, лаптях, поршнях, писали чернилами из сажи на газетах. Несмотря на это мы хотели учиться. Наше поколение со слезами на глазах вспоминает то страшное время.

Виноградова Алевтина Петровна

Войну я встретила пятнадцатилетней девочкой. Был красивый солнечный день. Ничего не предвещало беды. Вдруг в 12 часов дня по радио объявили, что началась война. На улице возле здания исполкома Райсовета собралось много мужчин, где их сразу оформляли и отправляли на фронт. Женщины голосили, провожая своих близких. Мобилизация шла круглые сутки.

Через несколько дней появились первые беженцы с детьми и узелками. Нам не верилось, что такое может произойти с нами. Ночью слышался гул наших танкеток и другой военной техники, отправляющейся на встречу с врагом. В небе кружили немецкие самолёты-разведчики.

28 июля 1941 года немцы подошли близко к Плоскоши. Трещали пулемёты. Солдаты просили нас, чтобы мы ушли в лес, подальше от посёлка. Вечером, часов в 12 (было уже темно), мы отправились в деревню Красноселье, где пробыли 2 часа. Во вторую ночь посёлок горел. Наш дом тоже сгорел. Затем ополченцы сказали нам, чтобы мы уезжали. Собралось 10 подвод с семьями и детьми. Так мы отправились просёлочными дорогами до Калинина. По дороге часто бросали свои повозки и прятались от немецких самолётов.

В Калининне отец сдал документы и отправился назад. Он был зачислен в ополчение. Мы с мамой, двумя братьями и сестрой оправились в деревню Сырцевно Бежецкого района, там и остановились. Несколько раз немцы бомбили, но бомбы падали рядом, в деревню не попадали. Очень боязно было ждать ночи, так как ночью всегда летали немецкие самолёты, бомбили Бежецк и часто бомбили деревню. У мамы было четверо детей, самому младшему – 4 месяца. Я – самая старшая. Было очень голодно, есть нечего. Я ходила по деревням и собиралась, кто что подаст: кусочек хлеба, несколько картошин. Было холодно, мела метель (леса там не было). Одежды тёплой не было, но надо было идти, чтобы не умереть с голода. Вспоминать об этом очень тяжело.

Летом и зимой я работала в колхозе, как мужчина. Научилась пахать, боронить, косить. Работать на лошади, возить в Бежецк сено, зерно, картофель, лён. Всё для фронта. На трудодни давали немного зерна. Мама размалывала и варила нам кашу. Вот так и жили, пока в декабре 1944 года не приехали в Плоскошь, где было очень голодно.

Казакова Анна Петровна

Я, Казакова Анна Петровна, родилась 12 июня 1924 года в деревне Заречье Калининской области Плоскошского района. В 1939 году я поступила в Плоскошский узел связи ученицей на должность телеграфистки на аппарат Морзе. 22 июня 1941 года я, как обычно, пошла на работу и вдруг слышу по радио объявление о начале войны. Работы сразу же прибавилось. Бесперывно с фронта на наш районный телеграф шли телеграммы. Домой нас больше не отпускали и мы дежурили день и ночь. Было очень страшно.

Телеграф находился в здании райисполкома. С нами дежурили работники военкомата, райкома партии, райкома комсомола, милиция. На линии стали слышать немецкие голоса. На ломаном русском они говорили, что скоро будут в Плоскоши. И действительно, через день появились немцы. К нам на коммутатор пришёл военком и сказал, что мы в окружении, кто может, спасайтесь! Мы разбили коммутатор, порвали провода и, разбив окно, выпрыгнули в него. Пробежав через парк, спустились по кургану в деревню Руново. В этот день мы добрались до деревни Шапкино Серёжинского сельсовета и остановились на ночлег в сарае. На мне было одето летнее платье, тапочки на босу ногу и сумочка. Это были все мои вещи. Спали в сарае на сене. Было холодно. Я замёрзла и заплакала. Я была моложе всех. Пожилой начальник милиции Мельников снял с себя шинель и отдал мне.

Через несколько дней Плоскошь освободили. Мы вернулись назад. Связисты сделали временную связь, а мы, телеграфисты, занимались сортировкой писем, которые поступали с фронта. К сожалению, доставить их мы не могли, деревня была в оккупации. Затем я вернулась домой.

Жизнь при немцах была страшной. Мы жили в землянках. А они в наших домах. Нас заставляли расчищать снег на заминированной дороге. Карательные отряды постоянно допрашивали местных жителей, искали партизан, грозили расстрелом. Несколько дней нас бомбили самолёты. Не хочется, чтобы такое вновь повторилось.

Кольцова Тамара Сергеевна

Родилась в 1932 году в деревне Пестряково Плоскошского района.

О войне мы узнали по радио с наушниками, которое было у папы. Но люди не поверили, говоря: «Сергей Григорьевич от Машкиного хлева (там стояла антенна) узнал о войне. Но, к сожалению, пришлось поверить, потому что война началась, а в августе 1941 года мы уже были на оккупированной территории. Не

работали сельсовет, школа, медпункт, колхоз.

В нашей деревне Пестряково немцев постоянно не было. Проехал один немец, потом разведка из 4-х человек верхом на лошадях, и наведалься с ночлегом хозяйственный отряд (70-72 человека), собравший кур, гусей. Наведывался к нам в деревню отряд полицейских из Великих Лук. Они искали партизан.

А партизаны, действительно, почти постоянно находились в деревне (Машков, Николаев, Щербакова и др.). Помню, как активно действовали полицейские, производя обыск у нас. Один «работал» в сарае, двое в доме и коридоре, и один на чердаке. Мы должны были оставаться на месте. Особенно усердствовал один (запомнился по вставленным блестящим зубам). Увидел на комодке газету с портретом Сталина, схватил со злорадством: «Вот что у них!» Другой остановил, говоря, что это старая газета. Обещали полицейские вскоре приехать ещё и, если жители не выдадут партизан, спалить деревню. Желających выдать партизан, думаю, не было. Мне мама говорила так: «Если будут спрашивать о партизанах, скажи, что слышала о цыганах, евреях, а кто такие партизаны, не слышала и не знаешь».

Свою угрозу спалить деревню полицаи осуществить не успели: пришли наши. А в тот приезд, как стало вечереть, заспешили, говоря, что пора уносить ноги (боялись партизан). Уезжая, забрали с собой мужчин (пожилых) и 4 красноармейца, которые, попав в окружение, жили в деревне, ожидая прихода своих. Местных потом с дороги отпустили, а красноармейцев увезли. По слухам, их казнили, обливая водой и замораживая, где-то в районе Назимова. Хочу сказать ещё о том, как мы боялись бомбёжки. Звук немецкого самолёта (с каким-то завыванием) отличался от звуков наших самолётов, и мы всегда его узнавали. Окна вечером всегда наглухо занавешивали, даже были сплетены соломенные маты, закрывали ставнями, при звуке самолёта коптилку или лампу прятали в печку, закрывая заслонкой. Несколько бомб было сброшено в нашей деревне, но они не взорвались, а ещё сбрасывали листовки.

Страшно, трудно было, но никогда не было мысли, что немцы победят. Тогда я даже сочинила частушку, наивную, не очень складную, но по существу:

«Проклятые фашисты, кончайте воевать. Вот прогонят вас отсюда, будет стыдно глаз продрать».

Запомнилась та всеобщая радость, когда пришли солдаты с красными звёздочками на шапках-ушанках, уставшие, полуголодные, но такие родные, желанные. Спасители! И ничего, что их было много, спали вповалку, так что и пройти было негде. Это были свои. А потом было много эвакуированных со стороны Холма, Великих Лук. В нашем доме, например, жила семья из 6 человек из Попланов и работники Локнянского райвоенкомата. Было многолюдно, тесно, но жили дружно.

А ещё вспоминается война тем, что было много людей, потерявших всё и просящих милостыню, а и подавать-то было нечего.

Наш район освободили в январе 1942 года, а в феврале (20) начала работать школа. Я пошла учиться во 2-й класс. В нашем классе было 8 учеников (многие не пошли, потому что мало времени оставалось до конца учебного года), все перешли в 3-й класс.

В 1942 году похоронка пришла в наш дом. Не стоит говорить, что это значит. Война – это горе, потери, лишения и самоотверженный труд, труд всех от малого до старого. А женщины! Вот ряды разостланной на гумне ржи и женщины с цепями, выбивающие зерно. «То-то-ты, то-то-ты». Косили, сушили, метали сено (вручную всё), возили на быках. Жали серпами, копали землю лопатами по норме (4 сотки в день). Носили зерно на себе пешком из Торопца, ремонтировали дороги, рыли окопы и т.д.

Моя мама работала в колхозе и техничкой в школе (там хоть и очень мало, но платили зарплату). Так вот она вставала в 2 часа ночи, шла топить печки, дрова были сырые, какие придётся, потом топила наспех дома и шла на колхозную работу. А там нормы, тяжести, одни упрямые быки чего стоили, на них возили сено. Дрова в школе технички пилили и кололи сами. У нас совсем затупилась пила, один старик поточил, но лучше не стало. Так мама вначале колола вдоль, потом перерубала поленья. Полы, конечно, были не выкрашены. В субботу мы с мамой мыли их вечером, холодно, ноги примерзают. А как обрабатывали усадьбу. Копали лопатами в основном вечером, потому что в колхозе день не нормирован, работа от тёмного до тёмного. Сажали картошку «на себе», то есть впрягались несколько женщин в соху и наезжали борозды.

А как сложно было содержать свою кормилицу, корову. Сенокоса не выделяли, косить, пока не накошено в колхозе, не разрешали, так что коровы еле вставали. Приходит мама из хлева, первый вопрос: «Встала корова?» В сырзавод

государству надо было сдать 300 литров и законтрактовать телёнка.

О детях. О них очень хорошо сказал Р. Рождественский: «У нас и детства не было отдельно, а были вместе детство и война». Горе, страх, лишения, голод, холод, бедность, тяжёлый труд – всё это знают не понаслышке дети войны. В школе холодно, нет учебников, тетрадей, чернил, мела. Чернила делали из сажи, свёклы, чернильницы – пузырьёк, в котором чернила замерзают за ночь. Чуть неосторожно обмакнёшь пёрышко в пузырьке, он опрокинется, чернила выльются. Писали на старых газетах, книгах.

Из деревень (за 5-7 км) полуголодные ребяташки в любую погоду шли пешком. Хорошо, что в школе технички варили суп из воды и картошки, но он был вкусен, и ели его с удовольствием. А дрова иногда приходилось приносить из лесу. Так учились.

А ещё работали. У нас, например, на двери колхозной конюшни висел список ребятни, по которому, соблюдая очередь, мы пасли телят, овец, свиней.

Трудной была работа со льном: теребили, убирали с полей, молотили. Ото льна руки болели, трескалась кожа, были занозы. Молотили мы так: утром, до начала рабочего дня, шли на гумно, сбрасывали с риги снопы и выбивали зерно прайниками. На риге душно, пыльно, руки устают. А вечером надо «насадить на ригу», то есть наставить снопы, чтобы они просохли за ночь. Помогали (крутили веялку) веять, сортировать зерно. Я помню, как водила лошадь при окучивании картошки на колхозном поле.

А ещё вспоминаю, как мы с дедом Архипом сеяли рожь. Он, перекинув через плечо ремень севалки, держа её перед собой, разбрасывал зерно, а я «отходила от семян», то есть шла так, чтобы было видно, где зерно засеяно. Приходилось мне бывать в ночном, потому что лошадей (какие были)

пасли ночью по очереди семьями, а в нашей семье было нас двое, вот мы с мамой и пасли.

9 мая. Помню, как через разлившуюся реку Кунью кричали людям на противоположном берегу, что закончилась война. Победа! Да, это был «праздник со слезами на глазах». Спасибо маме, она умела успокоить, найти нужные слова, хотя мы вместе плакали от радости и горя: кончилась война, но мы никогда не дождёмся дорогого нам человека, мужа и отца.

Не дождалось многие. Теперь в центре деревни Пестряково в 2 ряда, словно солдаты в строю, стоят памятные плиты с фамилиями тех, кто ушёл и не вернулся. На одной из них фамилия моего отца Покровского Сергея Григорьевича.

«Ах, война, что ты сделала, подлая!»

Так и хочется сказать всем людям словами песни: «Люди мира, будьте зорче втрое, берегите мир!»

Семёнов Александр Сергеевич

Родился в 1933 году в деревне Монастырёво Холмского района Западной области.

С 1 января 1935 года наша деревня оказалась в составе Калининской области Плоскошского района Жидулинского сельсовета.

В 1941 году я окончил 1-й класс Монастырёвской начальной школы. После начала Великой Отечественной войны большинство мужчин нашей деревни были призваны в армию.

В конце июля 1941 года через деревню проходили разрозненные группы бойцов Красной армии, отступающих под натиском немецкой армии. Перед вечером 28 июля 1941 года мы слышали гул движущейся техники по большаку из

Локни. Это были немецкие войска. Вскоре появилась конная разведка немцев. Они на лошадях проскакали вдоль деревни, подъехали к группе женщин и детей, которые собрались среди деревни и потребовали: «масло», «яйки», «молоко». Так началась немецкая оккупация нашего села. В течение нескольких дней были выловлены все куры, зарезаны все свиньи. Корову взяли только в одной семье (Константиновых).

В нашей деревне боёв Красной армии с немецкими захватчиками не было, а вот в районе деревень Старое, Никулино – кратковременные бои были. Наши части сосредоточились в районе местечка Ровное и в течение августа месяца происходили артиллерийские дуэли. Над нашей деревней дважды происходили воздушные бои, использованные гильзы падали по крышам как град. Жители вынуждены были покинуть свои дома и эвакуироваться за 8 километров в деревню Жидулино, так как непрерывный вой снарядов над головой изматывал нервы.

В конце августа немцы подавили сопротивление Красной армии и ушли дальше на восток. Больше мы немцев не видели. Началось тягостное ожидание, которое получило название «проживание на оккупированной территории».

В деревне Зуево была создана волость, а в деревнях избраны старосты, но эта власть практически на жизнь народа не влияла. После ухода немцев весь урожай на колхозных полях был разделен без учёта трудового участия «по едокам». 1941 год был урожайным, поэтому все люди запаслись картофелем, рожью, из семян льна «набили» масла.

В начале февраля 1942 года вернулись к нам части Красной армии. Зима 1942 года была снежная и суровая, снабжение частей Красной армии осуществлялось очень плохо. Бойцы голодали, и население кормило бойцов, чем могло. Слава богу, что было вдоволь картошки и хлеба.

21 января 1942 года в сводке Сов информбюро отмечалось об освобождении от гитлеровцев города Торопец.

Холм не был взят нашими войсками, а только блокирован, только через 3 месяца его деблокировали. Это неприятное обстоятельство весьма раздражало ставку Верховного командования и лично И.В. Сталина. Делались большие усилия по взятию Холма, особенно зимой 1942 года. Каждую неделю шли новые дивизии на взятие Холма, но безуспешно. Очень часто наступающие ночевали в нашей деревне, а через несколько дней возвращались после боёв под Холмом.

Напряжённые бои в 1942 году шли не только под Холмом, но и на всех рубежах по реке Ловать. Зимой 1942 года через нашу деревню нередко проходили поезда с ранеными. Это 12-15 подвод лошадей с санями. В нашей деревне обозы с ранеными оставались на ночлег. Обычно на подводе было по 5 раненых. В нашем доме они тоже размещались.

Безуспешные бои под Холмом с очень большими потерями наших войск продолжались до февраля 1944 года. Помню, один сержант говорил, что из батальона в бою под Холмом остался один он. После разгрома немецких войск под Ленинградом немцы сами ушли из Холма.

Сразу после освобождения у нас открылась школа, и я закончил 2-й класс. В июле месяце 1942 года нас стали эвакуировать подальше от фронта. Сначала мы жили в деревне Васьково, а в октябре переехали в деревню Курово Краснополецкого сельсовета. С октября 1942 по 1946 год я учился в Краснополецкой неполной средней школе. 1942-1943 учебный год был очень трудный. Не было тетрадей, учебников и даже чернил. Писали на газетах, старых книгах, а в качестве чернил использовали раствор сажи, свекольный раствор. Явились тетради, ручки и чернила. Учёба пошла нормально. За 4-й класс в 1944 году мы сдавали экзамены по русскому языку, математике, истории и географии.

Весной 1943 года в деревню Курово перебазировался ансамбль Северо-Западного фронта. В доме вместе с нами жили художник Алёша из Москвы и библиотекарь Зина из посёлка Кувшиново. Мы, ребяташки постоянно бегали на репетиции хора. Одним из руководителей ансамбля был капитан Юферев. Он жил в доме Шавровых. В соседнем с нами доме жил фокусник Чистилин. Он часто заходил к нам и мне показывал свои фокусы. То втирал в кожу руки разные предметы, то из карманов, из-за ворота вытаскивал горсти монет и т.д.

Однажды в нашу деревню заехал армейский ансамбль Александрова. Около гумна провели совместную репетицию духовых оркестров. Сбежались ребяташки из окрестных деревень, настолько это было впечатляюще. Но самым значимым для населения и ребяташек было то, что каждый вечер ставили кинофильмы. Так что летом 1943 года мы пересмотрели почти все фильмы довоенного производства: «Чапаев», «Щорс», «Александр Пархоменко», «Семеро смелых» и др.

Деревни Курово и Слепнёво были объединены в колхоз «Красный переход». Данный колхоз функционировал и в период оккупации. Боевые действия обошли эти деревни стороной. Колхоз был крепкий. Все, в том числе и дети работали в колхозе очень старательно. Я, хотя мне было всего 10-11 лет, во время летних каникул каждый день работал в колхозе. Работали все ребяташки, на вывозе навоза гоняли лошадей. Во время сенокоса у меня было поручение рубить обметья под копны. На вспашке парового поля я был возаком. Вспахивали паркой. Мне нужно было пригнать лошадей с пастбища, управлять лошадьми при вспашке. После работы отогнать лошадей на пастбище. По вечерам ребята топили риги, где сушились снопы ржи. Утром снопы обмолачивали. Рабочей силы в военное время за счёт эвакуированных было много и все работали с большим

энтузиазмом. Этого требовала обстановка военного времени.

Вспоминается интересный случай. Летом 1944 года мы с Иваном Беляевым работали на вспашке пара. Вдруг низко виляя проносится над нами немецкий бомбардировщик, а за ним гонится наш истребитель, выпуская пулемётные очереди. Буквально через минуту-две раздался взрыв где-то в районе местечка Ровное. Бомбардировщик был сбит, а истребитель на большой высоте полетел назад.

В военные годы учебный год для школьников начинался не с 1 сентября, а с 1 октября, чтобы лишний месяц ребята могли поработать в колхозах. Но и после 1 октября школьники оказывали помощь колхозам в копке картофеля. Хорошо помню, что в 1944 году копали картошку в деревнях Липовка, Рокочево, Козлово. Все работы школьники проводили безвозмездно.

В военные годы школьники собирали подарки воинам-фронтовикам. Своими силами и с помощью родителей вязали рукавицы, носки, свитера, шили кисеты. С индивидуальными письмами отправляли посылки на фронт. Многие получали благодарственные письма от фронтовиков.

9 мая 1945 года как всегда мы пришли в школу. Погода была не тёплая, дул северный ветерок, на небе редкие облака на синем фоне. Приходит военрук и говорит, что Победа, праздник, идите домой. Так мы узнали о нашей Победе!

Федорищева Ирина Петровна

Очень хорошо помню начало войны. Тогда, в 1941 году, я закончила 4 класса Плоскошской начальной школы. Была весёлой, жизнерадостной девочкой, увлекающейся игрой в войну. Тогда эта игра была самой любимой для всех детей

того времени. Ещё второклассницей в 1939 году, находясь в пионерском лагере в деревне Краснополец, научилась этой игре.

В предвоенное время был силён патриотический дух, который возбуждался и поддерживался такими песнями, как «Орлёнок», «По долинам и по взгорьям», «Дан приказ ему на запад», «По военной дороге», «Вихри враждебные», «Три танкиста», «Если завтра война» и т.д., а также фильмами «Чапаев», «Александр Невский» и др. Эти песни, не то что нынешние, глубоко проникали в детскую душу, наполняя её возвышенными чувствами. Поэтому, когда началась война и немцы очень быстро продвигались вглубь страны, я была всегда уверена в нашей победе, хотя другие люди сомневались, а некоторые и не верили.

В июле 1941 года появилась новая очень патриотическая песня «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой». Неудивительно, что на войне был проявлен массовый героизм, особенно среди молодёжи.

Война изменила и жизнь в Плоскоши. Вглубь страны гнали стада животных. Люди были сильно встревожены и по вечерам обсуждали слухи о приближении немцев. А немцы действительно приближались к Плоскоши, предварительно засылая своих разведчиков. Мы, дети обнаружили их на берегу Серёжи, но нам не поверили взрослые дяди. Вскоре появился в небе над Плоскошью немецкий самолёт. Он медленно и так низко летел, что чуть ли не задевал крышу белого дома (тогда в этом доме располагалось руководство). Все побежали в лес. Наша семья бежала по Пушкинской улице до молодого березняка. Сейчас на этом месте расположены дома, в одном из которых я теперь живу

По дороге в Торопец шли колонны наших солдат. Жители выносили им еду и питьё.

В 20-25 км от Плесоши в западном направлении была обстреляна легковая машина председателя райисполкома Рослова. Стало ясно, что немцы придут в Плесошь.

Вечером 28 июля 1941 года раздались пушечные выстрелы со стороны Малиновки. Задрожала земля, началась паника. Залаяли собаки, коровы, задрав хвосты и поднимая пыль, бежали с пастбищ домой. За короткое время посёлок опустел. Жители покидали свои дома и уходили кто в лес, кто в соседние деревни к своим родственникам.

Немцы вечером не вошли в Плесошь, так как боялись партизан, которые могли находиться в лесу по дороге из Малиновки. Немцы вошли в Плесошь утром 29 июля 1941 года. Наши военные оказывали сопротивление: бросали бутылки с зажигательной смесью под танки. От этого возникал пожар. Сгорел дом на Пушкинской, который стоял на месте, где сейчас стоит другой дом, рядом со сбербанком. В этом доме была наша квартира. Всё сгорело. На пепелище был обнаружен только утюг.

За 3 месяца до войны моя мама видела вещий сон. Во сне она видела, что по нашему огороду бегают военные и бросают гранаты. Именно так и произошло наяву, 29 июля 1941 года. В этот же день был убит первый секретарь райкома партии Ломтев. Он возглавлял партизанский отряд и вместе с ним находился в здании ветлечебницы. Закурив, он открыл форточку, чтобы выпускать дым. Дым стал мишенью для немцев, и он был убит. Именем Ломтева названа улица в Плесоши.

Да, жизнь сложна и непостижима. В Плесоши были патриоты и были предатели. Мне известно, что по доносу учителя школы была замучена учительница начальных классов Петухова. Её я знала. Она была молодой и хорошенькой. Предатель сообщил немцам, что её муж – лейтенант Красной Армии. За это её, беременную на последнем сроке, немцы подвесили за волосы в сарае. В

таком положении у неё родился ребёнок. Она и её ребёнок подверглись страшной и мучительной смерти.

Но патриотов было больше, особенно среди молодёжи. Они дрались по-геройски, по-русски. Вот и мой брат, Иванов Павел Петрович, смелый и очень одарённый человек, особенно в математике, отдал свою жизнь ради нашей победы. Он учился в Плоскошской школе и поражал своими математическими способностями. Учась в 4-м классе, решал задачи из 5-го класса, а учась в 6-м, решал задачи из 8-го, хотя и не изучал алгебру. Будучи учеником 4-го класса, он совершил смелый поступок. Во время весеннего половодья, переходя через реку по лавам, одна девочка упала в воду. Он, не раздумывая, мгновенно бросился в бурлящую реку и вытащил девочку из воды.

В то время в Плоскоши было мало техники и машин, к которым его тянуло. Когда был объявлен набор в ФЗУ (фабрично-заводское училище) Ленинграда, он тайно от родителей оформил документы, прибавив себе год, чтобы его взяли. Только в день отъезда отец узнал об этом. За несколько месяцев обучения, он получил самый высокий разряд – 6-й. Об уникальности его способностей писала газета «Вечерний Ленинград».

Когда началась война, брат вместе с заводом был эвакуирован в Нижний Тагил. Там, уже в 17 лет он работал мастером военного цеха. Его ценили как высококлассного специалиста, и он был на «брони», то есть не подлежал призыву в армию.

Шла война, враг захватил большую территорию страны. Брат не мог не участвовать в военных сражениях, поэтому тайком уехал на фронт в действующую армию, хотя и не проходил военную службу в 1943 году. От него было одно письмо, в котором он сообщал, что проходили по территории Плоскошского района и теперь находятся под Великими Луками. Там шли тяжёлые бои, немцы поливали шквальным

огнём все подступы к городу. Недаром Великие Луки называли маленьким Сталинградом. Под Великими Луками в возрасте 19 лет закончилась жизнь моего брата. Если бы он был жив, то неизвестно, кто лучшее оружие создал бы, Калашников или Иванов Павел.

И много таких людей, как мой брат, погибло в самой страшной и самой кровопролитной войне 20-го века. Если бы таких людей не было бы, не было бы и ныне живущих.

Щеитнина Зоя Ивановна

Когда началась Великая Отечественная война, мне было одиннадцать лет, но тяготы той поры и свой детский страх я помню до сих пор. Мы, дети, живущие в деревне, летом работали в колхозе ещё до войны.

Помогали взрослым убирать урожай, заготавливать сено, полоть, возили на лошадях навоз на колхозные поля. Вставали рано утром и бежали на пастбище ловить лошадей. И в этот злополучный день мы тоже встали рано, но вдруг по радио услышали страшное слово – война. А уже в полдень этого дня началась мобилизация людей на войну.

В близлежащих деревнях и в нашей слышался плач женщин, которые провожали своих мужей и сыновей на фронт. Ушёл воевать и мой отец. У нас в семье было трое детей. Все тяготы войны легли на хрупкие плечи нашей матери. Конечно, мы во всём ей помогали. Начались трудные, страшные дни нашей жизни.

В конце августа 1941 года вражеские войска заняли наш район. И днём, и ночью они двигались по большаку, в направлении к Ленинграду. Люди были настолько перепуганы, что перестали общаться, выходить на улицу. Рядом с деревней Шеино, в деревне Пожня расположился немецкий карательный отряд. Немцы расстреливали жителей, угоняли стада коров, овец, телят в Торопец, а там грузили их в вагоны и отправляли в Германию.

Мы жили в оккупации с августа 1941 года по январь 1942-го. 21 января наши войска выбили фашистов из города Торопец и освободили всю территория Торопецкого района и близлежащих районов. После освобождения Торопецкого района в деревне Шеино находился штаб партизанского движения. Сюда приезжали молодые девушки, в основном комсомолки, из разных уголков нашей страны. Здесь они проходили обучение в течение месяца. Учили их стрелять, подрывному делу и т.д. Пройдя месячное обучение, они отправлялись в тыл врага в белорусские леса. Уезжали на машинах, с песнями. Там они вели подрывную деятельность: взрывали мосты, пускали под откос немецкие поезда и многое другое. Спустя два-три месяца девушки возвращались назад для отдыха, но многие из них погибали, защищая Родину. А на партизанской базе вновь формировались отряды, проходили обучение и опять забрасывались в тыл противника. Среди партизан была наша односельчанка Лида Юсленкова. Она погибла. Фашисты зверски её пытали: выкололи ей глаза, отрезали уши, но девушка не выдала своих товарищей. В память о партизанском движении в деревне Шеино есть курган «Партизанской славы». Сюда почти ежегодно приезжают бывшие партизаны, чтобы встретиться и почтить память погибших товарищей. В Шеино сохранился дом, в котором располагался Белорусский ЦК партии в годы войны. Хочется

пожелать молодому поколению, чтобы им не пришлось пережить то, что выпало на нашу долю.

Белкина (Шмырёва) Надежда Андреевна

Я родилась в конце октября 1938 года в деревне Козино Нелидовского района. Отца звали Андрей Иванович, а мать – Мария Константиновна. Кроме меня в семье росла и моя сестра Александра, которая была старше меня на 4 года.

Родители работали в колхозе. Отца я, конечно, не помню. Его в 1940 году взяли на подготовку, потом началась война, а с войны он так и не вернулся. Прислали нам на него похоронку, в которой сообщили, что он пропал без вести.

На окраине деревни, через два дома от нашего, жил Василий Рулёв. Его комиссовали по контузии в самом начале войны. А когда в деревню пришли немцы, он им заявил, что в нашем доме скрывается партизан, мамин брат. Немцы у нас все обыскали, но никого и ничего не нашли. А маму забрали и повели на расстрел к воротам, как раз напротив того дома, где жил Рулёв. Мы с сестрой, босые и раздетые, сразу побежали за мамой. Может быть, немцы нас пожалели, а может быть, маму, но отпустили её домой.

Потом нас, всех жителей, выселили в лес, километра за 4 от деревни. Жили мы в шалашах, сделанных из кустов. Там, правда, жили мы недолго. Потом все вернулись в свою деревню.

Помню наш дом с печкой, на которой мы хранили верхнюю одежду. Однажды, когда мы с сестрой сидели на этой печке,

в дом пришли немцы. Они наставляли на нас ружья и говорили: «Матка, капут». Нам было, конечно, очень страшно. Позже говорили, что в деревню приходил толи карательный отряд, толи финны.

В нашей деревне, которая находилась в пяти километрах от Нелидова, было 15 домов, а с войны пришли только трое мужчин.

Однажды прибежала к нам мать Василия Рулёва и перед мамой стояла на коленях, ноги целовала, просила, чтобы только она не заявила на её сына. Она говорила, что: «Ведь и ты цела осталась, и дети твои целы». Мама конечно её простила.

После войны матери платили на двоих детей 100 рублей в месяц и медаль какую-то прислали.

Послевоенная жизнь была очень тяжелой. Мама работала в колхозе допоздна, без выходных, никаких отпусков в деревне не давали. Лошадей закрепили за мужчинами, они могли себе привезти дров, а летом сена для своих коров. Бабам лошадь давали в последнюю очередь, поэтому приходилось на санках ездить в лес за дровами, а снег был очень глубокий. Нам с сестрой надо было ещё и распилить эти дрова. Пила была очень тупая, сестра на меня ругалась, а у меня и силенок-то не было совсем.

Огород у нас был, 50 соток, сажали лошадью, а копали руками. Приходили со школы и работали по хозяйству.

Была у нас корова. И надо было сдать государству 360 литров молока в год. На трудодни в колхозе давали только отходы от зерна, так называемый костерь, а хорошими семенами засевали колхозные поля.

В школу мы ходили за 4 километра в соседнюю деревню Горбы, а с 4-го класса уже в Нелидово за 5 километров.

Сестра закончила 4 класса и мама отдала её в няньки в другую деревню. Нужны были деньги, потому что мы начали строиться.

Мне удалось закончить 7 классов, но учиться дальше не пришлось. Сестра уехала к родной тете по отцу в город Алма-Ату. Там ей сумели достать паспорт, и Александра осталась там жить.

А я осталась с мамой, потому что стройка еще была не закончена, надо было помогать. Пошла временно работать на пилораму за 4 километра. Там мы оттягивали доски от станков и грузили их на платформу.

Однажды я зацепилась за доску и сломала руку в плече. На рентгене было видно, что кость за кость зашла; её долго пытались вытянуть, но потом сделали операцию под наркозом. Когда гипс сняли, я пошла к председателю колхоза просить справку, чтобы он отпустил меня из колхоза. Я хотела устроиться на какое-нибудь производство. Ходила к нему 3 раза, но все безуспешно.

Пришлось мне стать дояркой и доить коров. В группе коров было 12 голов. Сначала доили руками, потом, когда закупили доильные аппараты, стало намного легче. Надои от коров были хорошие, и меня даже на городскую Доску почета сфотографировали. Из горкома стали приходить люди и уговаривать меня вступить в партию.

Я и вступила. Мама меня очень за это ругала, а сестру, еще раньше, когда та вступила в комсомол, даже отлупила.

В 1960 году наш колхоз «Имени Ленина» переименовали в совхоз «Нелидовский». Коров от нас перевели на другие фермы, а наш совхоз стал овощеводческим. Понастроили теплиц: 5 пленочных покрытий по 8 секций. Меня и ещё несколько человек отправили на курсы в г. Калинин. Весной и летом мы выращивали огурцы, а зимой ходили на общие работы. Я жила рядом с котельной, поэтому зимой работала там. Заработки в теплицах были хорошие. Мне 2 раза давали путевку в санаторий Кашин. Часто ездили на экскурсии в Хатынь, в Москву, Витебск, Ригу. Побывала я и в Чехословакии. В общем, было весело. В трудовой книжке

два листа исписаны благодарностями и ценными подарками, даже вкладыш был заполнен.

Я никогда не пожалела, что осталась в колхозе. У меня 25 лет колхозно-совхозного стажа, а общий стаж - 40 лет. Я с детства привыкла к труду, и труд мой оценили. Я имею звание «Ветерана труда», неоднократно избиралась сельским депутатом, потом районным, была председателем в городском народном суде и в президиуме райкома профсоюза. Долгое время состояла в рабочем комитете и разных комиссиях.

Всю свою жизнь прожила в городе Нелидово. А вот на старость, в 2017 году, приехала к дочери в Торопецкий район, где и живу поныне.

Не щади гитлеровцев, сынок

Учитель Григорий Васильевич Милохин во время войны жил в деревне Речане. Он был свидетелем тех ужасов, которые творили оккупанты. Когда Советская армия освободила Речане, Григорий Васильевич установил переписку с сыном – старшим лейтенантом Михаилом Григорьевичем Милохиным и в своих письмах рассказал о виденном и пережитом.

Сегодня мы в сокращении публикуем письма старого учителя, умершего в послевоенные годы.

Письмо первое

Немцы гнали наших военнопленных куда-то на восток. Конвоиры, ругаясь, били плетками ослабевших людей. Одного полуживого красноармейца они затащили в хату колхозника Кузнецова и хотели тут же пристрелить, но потом

разрешили колхозникам отвезти его в холодную школу, где он и умер.

Другой боец падал на землю под ударами плеток. Его били сапогами, поднимали и снова плетками гнали вперед.

На железном мосту через реку Торопа варвары остановили этого бойца и хотели бросить его живым в реку, но он ухватился за перила моста и что было сил держался за них.

Старуха Авдотья Самсонова бросилась к палачам и закричала: «Что вы делаете? Ведь вы в листовках писали, что над пленными издеваться не будете! Вы писали, что в Бога верите, а Бог мучить людей не велел». Немцы направили ружья на Самсонову и снова взялись за пленного. Под горкой, где живет Гаврилов, раздался выстрел. Бездыханное тело бойца долго лежало на краю дороги.

Когда немцы отступали, они опять гнали наших военнопленных, только уже не на восток, а на запад. Дорога от Торопца к Великим Лукам была усеяна трупами военнопленных. Снег растаял, и мы закопали их в землю.

Даже вспоминать об этом страшно, Миша. Одно радует – возмездие близко. И я вспоминаю клятву, которую дали твои товарищи у могил замученных военнопленных.

Письмо второе

Михаил! Скоро исполнится год с того времени, когда наше село было освобождено от немецкого ига. Но против воли вспоминается ужасное время оккупации, всплывают перед глазами картины страшных злодеяний, совершенных фашистами.

В один ноябрьский пасмурный день мы вдруг услышали частые выстрелы к югу от нашего селения. Что такое, неужели наши идут? Сердце бьется... Пошли толки, споры. Но все скоро выяснилось: оказывается, немцы сожгли

деревню Селяне, что в 15 километрах от нас. Жителей всех перебили, а трупы их сожгли. За что? И до сих пор неизвестно. Знали только, что деревню Селяне вдруг окружил карательный отряд эсэсовцев. Отряд открыл пулеметную и минометную стрельбу. Деревня загорелась. Немцы бегали по деревне и ловили обезумевших от страха людей. Пристреливали их, а трупы бросали в пламя. Поджигали оставшиеся дома вместе с находящимися там живыми людьми. Убивали на глазах матерей детей, не щадили и стариков. Кое-кто вырвался из кольца смерти и убежал в лес. Душераздирающие крики и плач раздавались по деревне. Казалось, началось светопреставление...

И вот настал час расплаты! Наша доблестная Красная Армия истребляет гитлеровскую армию палачей и кровопийц. Крепче удары. Не щади, сынок, ни одного гитлеровца! Отомсти им за все злодеяния, за матушку Россию!

Письмо третье

Когда немцы к нам пришли, рожь была уже убрана, созрели тучные колосья яровых хлебов. Поспевал картофель. Как саранча, набросились голодные фрицы на наш богатый урожай. Особенно нравилась им наша картошка. Сгоняли они жителей деревень копать и чистить ее.

Лида Кабанова отказалась чистить на немцев картофель. Переводчик спросил: «Почему ты отказываешься?» - «Не хочу работать на врага». Переводчик передал это немецкому офицеру. Тот затаил злобу на девушку, но в тот день промолчал. На второй день, когда всех жителей деревни отправили копать картофель, переводчик

обратился к Лиде с таким вопросом: «Ну, а ты пойдешь?», Лида ответила: «Под ружьем – пойду».

К вечеру всех женщин распустили домой, а Лиду начали бить, издеваться над ней и быстро погнали в Торопец. Лида пропала. Только на пятый день в дом Лиды зашли две девочки и рассказали следующее: «Вместе с Лидой мы сидели в тюрьме. Нас отпустили, а она осталась. Её сегодня расстреляют». Девочки отдали письмо, написанное рукой Лиды. Она в нем прощалась с родными, просила ее помнить, не забывать.

Так, Михаил, оборвалась молодая жизнь Лиды. Расскажи об этом товарищам.

И помнить страшно, и забыть нельзя...

Народная летопись

выпуск 9

Издание для слабовидящих

Ответственный за выпуск - А.В. Латышева

Составитель - Л.И. Медведева

Компьютерный набор - Л.И. Медведева, Т.Е.Ильина,
А.А. Лапченко, И.А. Гайдина, Н. Михайлов, Д. Мурадов
Художественное оформление и верстка - А.А. Лапченко

Тираж: 1 экз.

Оригинал-макет

Сектор автоматизированных

Библиотечно-информационных технологий
МУТР «Торопецкая центральная библиотека»

г. Торопец, Тверская обл.,

ул. Советская, д.35а

kniga_tor@mail.ru

www.toropes.tverlib.ru